

Пуля с Кавказа

Автор:

Николай Свечин

Пуля с Кавказа

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #6

Действие книги происходит в 1885 году в Дагестане. Русское военное командование разыскивает банду абреков, которыми руководит резидент турецкой разведки. Выясняется, что он бывший русский офицер, который ещё 40 лет назад перебежал к Шамилю и с тех пор неустанно вредит России. В горы уходит отряд во главе с подполковником Таубе. Лыков прикомандирован к отряду от министерства внутренних дел. Предстоит проникнуть в труднодоступный район, в окрестности загадочной вершины Аддала-Шухгельмеэр, где находится лагерь абреков. Лыкову и Таубе известно, что один из офицеров, включённых в состав отряда – предатель. С самого начала экспедиции с ней начинают происходить странные вещи...

Николай Свечин

Пуля с Кавказа

Глава 1

Командировка

14 мая 1885 года коллежский асессор Лыков пришёл на службу в Департамент полиции, но до своего места добраться не успел. Курьер из канцелярии передал ему приказание вице-директора Благово – немедленно явиться к нему. Пожав молодецкими плечами – и без того ежедневно в десять часов утра он пивал у начальника и учителя чай – Алексей отправился на второй этаж. Что ещё за срочность такая?

Вице-директор встретил его притворно сердито:

– Ишь, выучился службой манкировать! Десять минут тебя уже жду.

– И напрасно гневаться изволите, – ответил Лыков, фамильярно усаживаясь на стул. – Опоздал я всего на четыре минуты, и по уважительной причине. Разве от них оторвёшься? Вцепились все трое, и не пускают. Насилу выбрался.

Полтора года назад Алексей женился, наконец, на своей давней любви, Вареньке Нефедьевой. Спустя положенный срок у счастливых молодожёнов родились близнецы, два мальчика. Именным указом императора им была присвоена фамилия Лыковы-Нефедьевы. Заповедное имение, являющееся до сей поры выморочным[1 - Заповедное имение – русский майорат. Переходит старшему в роду мужчине; его нельзя делить, продать, заложить в банк или проиграть в карты. Выморочное имение – не имеющее наследников на момент смерти владельца; поступало, постоянно или временно, в собственность казны.], было передано им в совместную собственность, а Лыков назначен опекуном. Сенат три месяца размышлял над таким необыкновенным случаем: как делить майоратное имение, ежели наследники его – близнецы. В порядке исключения установили равные права для обоих – авось, не подерутся. Теперь по утрам плечистого папашу провожали на службу красавица-жена и пара крепких карапузов. От таких, действительно, быстро не оторвёшься...

– Чай уже пил?

– На ваш рассчитывал. А вы вон ногами топаете, придираетесь к маленькому человеку.

– В гостях изопьешь. Ежели дадут. Едем в Военное министерство, прямо сейчас.

– А барона Витьку там увидим?

– Увидим. И вообще: чего это ты расселся перед камергером? Ох, распустил я кадр...

Через полчаса на Адмиралтейской набережной, 12 состоялось секретное совещание. Открыл его генерал-адъютант Обручев, начальник Главного штаба и председатель Военно-Учёного комитета[2 - Военно-Учёный комитет Военного министерства – русская военная разведка.]. Присутствовали: директор канцелярии ВУК генерал-майор Енгальчев, подполковник Таубе, действительный статский советник Благово и коллежский асессор Лыков.

– Итак, господа, – начал сиплым голосом Обручев, – мы собрали сегодня два министерства: военное и внутренних дел. Это потому, что задача у нас такая, она находится на стыке полномочий. Надо прикрыть шайку абрека Малдая. Местная власть не может справиться с ней вот уже три года; им требуется помощь. Сия операция – для Департамента полиции (короткий кивок в сторону гостей). Однако в окружении Малдая состоит эмиссар турецкой разведки. Источники называют его «старик в жёлтой чалме»; имя нам неизвестно. Старик заправляет всем в шайке и является её негласным вожаком; абрек фактически подставное лицо. И это знаменитый Малдай из Бахикли! Что же за старик такой? Абречество для него, видимо, лишь прикрытие, а занимается он шпионством. А это уже относится к ведению нашего министерства, точнее, Военно-Учёного комитета.

Обручев перевёл дух, оглядел своих собеседников, долее всех задержал взгляд на Лыкове.

– Алексей Николаевич, вы ведь уже бывали на Кавказе ранее?

– Так точно, ваше высокопревосходительство. Сначала воевал с турками, а после излечения от ранения ловил абреков в Андии[3 - Андия – высокогорная область в Северном Дагестане.] и Ичкерии. Кроме того, дважды с Летучим отрядом Департамента полиции вычищал Пятигорск.

– Ну вот, значит, места эти вам знакомы. А напомниме, когда вы с бароном фон Таубе последний раз взаимодействовали?

– Хм... В феврале 1881 года в Нижнем Новгороде. Предотвратили покушение на покойного государя.

– Готовы отправиться с ним в Дагестан в составе нашего отряда?

– С бароном Таубе – хоть к чёрту в пасть, ваше высокопревосходительство.

Генерал-адъютант удовлетворённо кивнул:

– Тогда договорились. Как вы знаете, Дагестанская область выведена из гражданского управления и подчинена Военному министерству. Поэтому начальником отряда назначается подполковник барон фон Таубе. Коллежский асессор Лыков утверждён его помощником. Секретный приказ о вашей командировке, Алексей Николаевич, уже согласован с министром внутренних дел, и вчера подписан военным министром. Вот, ознакомьтесь.

Благово вместо Лыкова принял приказ из рук генерала и принялся внимательно его изучать.

– Какая вооружённая сила будет включена в отряд? – спросил Алексей.

– Взвод казаков с урядником, плюсом два горца в качестве проводников, – ответил Енгальчев. – Представитель от начальника Дагестанской области. И офицер разведочного отделения штаба Кавказского военного округа. Он абадзех, сирота, усыновлённый русским семейством. Зовут Даур-Гирей. Он по службе хорошо осведомлён о положении дел в Дагестане, и станет вам незаменимым сотрудником.

– Абадзех? Годится, – откомментировал Лыков. – Самая достойная на Кавказе народность.

– Старик в жёлтой чалме – что о нём известно? – вступил в разговор Благово. Военные, точно по команде, все разом скривились.

– Толком ничего, – буркнул Таубе. – Одни лишь слухи.

– Давайте слухи.

– Судя по всему, старик долго жил в Турции и занимал там серьёзные должности. Абреки называют его «сартип».

– Полковник – пояснил Лыков Павлу Афанасьевичу.

– Появился дедушка в горах неведомо откуда, примерно в то же время, что и Малдай.

– Мы, навряд ли, эту птицу уже ловили? – опять вмешался Лыков. – Я самолично за ним гонялся, правда, поймали его другие.

– Так точно. Малдай из Бахикли – это такое село в Андии – впервые выступил против нас ещё в 1860 году, во время восстания в Северном Дагестане. Генерал Евдокимов бунт подавил, аул сжёг, а нашего приятеля сослал в Вологодскую губернию. В 1877 году, при начале турецкой войны, Чечня и Дагестан опять взбунтовались. Горцы, подстрекаемые турецкими эмиссарами, желали ударить в спину русской армии, которая резалась под Карсом и Кобулетом. Малдай к тому времени уже отбыл ссылку, вернулся и снова возглавил одну из шаяк. Нам было тогда не до повстанцев, и они успели поэтому достичь значительных успехов. Но, покончив с турками, армия обернулась к бунтовщикам и быстро всех передушила. Как раз тогда, Алексей, ты и гонялся за Малдаем Бахиклиским. А поймал его знаменитый теперь Комаров, тогда ещё полковник. Злодей поехал на этот раз в Тобольскую губернию. При коронации 1883 года государь даровал амнистию всем ссыльным повстанцам, и вот результат: Малдай снова в горах... Теперь он абрек, верховодит шайкой из тридцати головорезов, и состоит на довольствии у турецкой разведки.

Раздосадованный подполковник замолчал. Поскольку его слова прозвучали, как косвенная критика действий государя, в разговоре возникла неловкая пауза. Через минуту Таубе продолжил:

– Но дело не в этом неуёмном чеченце, а в старике, что стоит за ним. Абрека, в конце концов, можно просто застрелить. А вот сартип в жёлтой чалме... Вы помните, кому полагалась такая при Шамиле?

– Ну, ты спросил, – развёл руками Лыков. – Шамиля взяли в плен, когда мне стукнуло два годика.

– В Имамате[4 - Имамат – теократическое государство, созданное на Северном Кавказе имамом Шамилем в 1843-59 годах и воевавшее с Россией.] жёлтые чалмы полагались наибам, – неожиданно пояснил Благово.

– Наибам? Это, кажется, горские губернаторы?

– Да, начальники отдельных областей, подчинявшиеся непосредственно Шамилю. Скорее, они похожи на наших генерал-губернаторов, чем на губернаторов, поскольку у себя в наибстве они ведали также и военной силой. В разные времена число их доходило до пятидесяти. Самые доверенные у имама были люди! Неужто наш дедушка из них? И по возрасту подходит.

– Я повторяю, Павел Афанасьевич, – продолжил Таубе, – что точных сведений об этом человеке у нас нет. Мы можем только строить догадки. Самая неприятная из этих догадок вот такая: наш источник однажды слышал, как старик говорил по-русски. Очень чисто, без малейшего акцента.

За столом опять повисла пауза. Сыщики переглянулись, военные скрипнули зубами.

– Ну, что ж, – сказал Благово. – Неприятно, но не удивительно. У Шамиля наших много было. Газеты не любили об том писать... И далеко не все из них приняли ислам, многие так и остались в Христовой вере.

– В какой ещё вере, ежели они своих убивали! – рявкнул Енгальчев. – Ты, Паша, такими словами-то не бросайся. Христова вера... Изменники Бога не имеют!

– Ну, основная часть, конечно, были чёрту племянники, – согласился действительный статский советник. – Ни Аллаху, ни Христу не кланялись. Но факт тот, что в горах русских было много. Так?

– Так, – подтвердил Обручев. – Это входило в политику Шамиля. Он приказал дружески принимать всех дезертиров и беглых. Им давали хлеб, кров, семена, даже землю, что в горах самое ценное. Для этих целей Шамиль выкупал наделы у сельских обществ. Русских женили на туземках. Если беглый принимал магометанство, это особенно приветствовалось; но никого не заставляли менять веру насильно. В захваченных крепостях Шамиля мы везде находили православные храмы, моленные дома старообрядцев. И ещё костёлы. Поляки

перебегали к имаму особенно охотно, целыми взводами и ротами, вместе с офицерами. У Шамиля воевал польский легион численностью в четыре сотни человек! Но речь не о них. Старик в жёлтой чалме на ясновельможного пана не похож. И на горца тоже.

– И на горца не смахивает? – заинтересовался Благово. – Как же можно говорить об этом с уверенностью? Пожилые люди, как облысеют, все на одну колодку!

– Отличить не трудно, – усмехнулся Таубе. – Пятьдесят пять лет тому назад некий поручик Новицкий проделал, по поручению князя Паскевича, крайне опасную командировку: он пересёк горы Западного Кавказа с севера на юг и вышел к Анапе. Для этого поручик обрил голову, отпустил бороду, весь перепачкался в грязи. Путешествовал во вражеских горах он под видом глухонемого нукера, поскольку языков не знал. Туземцы разоблачили его по мозолям на ногах.

– Как по мозолям? – удивился Благово.

– Горцы носят мягкую обувь, и мозолей у них не бывает, – пояснил Лыков.

– Новицкий спасся чудом, – продолжил барон. – Имеется ещё один очень верный признак, лучше любых мозолей, чтобы отличить мытых от невымытых. Скажи, Алексей, чем пахнут горцы?

– Пахнут? Верно... Павел Афанасьевич, подтверждаю: все природные кавказские туземцы имеют один общий запах. Ни с чем не спутаешь. Они насквозь пропахли черемшой, или диким чесноком.

– Чесноком?

– Да. Туземцы истребляют его в огромных количествах ежедневно, особенно летом. Конечно, амбрэ у горца более сложное: тут и бараний жир, и конский пот, и порох; но наиболее всего черемша. И европейца, пусть даже обряженного в горский костюм, легко отличить именно по запаху.

– Значит, старик в жёлтой чалме чесноком не пахнет, – констатировал Благово.

– А на поляка не похож потому, что принял ислам, – пояснил барон. – Сами знаете – паны этим не грешат. Значит, русский дезертир.

– Вопрос с русским на службе у Шамиля старый и болезненный, – продолжил разговор Енгальчев. – С той поры уж столько лет прошло; почти все участники повымерли. Но старые кавказцы их помнят и люто ненавидят. Именно беглые русские обучили войско имама, создали ему артиллерию, строили со знанием сапёрного дела крепости и завалы. Рассказывают, что даже без поляков, чисто русских дезертиров в горах было более тысячи человек. И многие из них показали себя, как настоящие звери... Добивали раненых, пытали пленных. Бежали-то самые отбросы! Среди русских мюридов[5 - Мюриды (букв. – воители за веру) – название солдат Шамиля.] находились даже офицеры! В 1843 году прапорщик Залётов из Тифлисского пехотного полка сдал горцам аул Ахальчи с нашим гарнизоном. Перебил ночью караул и открыл ворота... Две роты попали в плен со своими командирами; кто пытался сопротивляться – был зарублен. А бывший сотник Лабинского полка Атарщиков любил, надев мундир, разъезжать по нашим тылам на Кавказской линии и брать «языков». В 1844 году он захватил и увёз в горы поручика Глебова, адъютанта самого генерала Нейгарда, командующего Кавказского корпуса. Вообще же история с дезертирами (туземцы называли их «наши русские») тёмная. Точных сведений очень мало. Мы знаем, например, что картографами Шамиля были три офицера Генерального штаба: два поляка и один русский. Но имена неизвестны. В строю состоял и воевал с нами целый русский батальон. Батальон! Начальник его, а также ротные и взводные командиры все были офицеры! Немыслимо! Артиллеристы тоже были наши дезертиры. Когда в 1859 году Шамиля наконец добились, в его павших крепостях насчитали 52 орудия! Половина самодельные, а половина забрана у нас. Рядовой канонир не сможет отлить орудие, и даже не сумеет метко из него стрелять; требуется знать математику, физику, баллистику. А они умели... В 1845 году светлейший князь Воронцов захватил и сжёг столицу Имамата – аул Дарго. В нём обнаружили так называемую Солдатскую слободу, застроенную русскими избами. В слободе были костёл, православный храм и моленный дом для старообрядцев. А ещё ткацкая фабрика, пушечный двор, мастерская для отливки ядер... У горцев оказались даже конгриевы ракеты![6 - Конгриевы ракеты – реактивное оружие 19-го века. Стреляли зажигательными снарядами.]

– Ты рассказываешь о делах давно ушедших, – умерил пафос генерала Благово. – Сорок лет прошло; пора позабыть. Сам Шамиль уже истлел в земле.

– Вы считаете, что старик в жёлтой чалме – из тех? – спросил Енгальчева Лыков. – Не умер и не унялся? Офицер?

– Очень похоже, – кивнул генерал. – Беглый крестьянин не выслужился бы у турок в полковники. Солдат-дезертир? Сбежал с Кавказа после падения Шамиля от греха подальше. А тут всю жизнь вредить России! Почти полвека положить на борьбу. Нет, тут враг, враг идейный, и он не уйдёт на пенсию.

– Как же он спасся, когда пал Гуниб?[7 - Аул Гуниб – последняя резиденция имама Шамиля. Был взят штурмом русскими войсками 25 августа 1859 года. С его падением завершилось покорение Северного Кавказа.] Дезертиров разве не судили?

– За это мы должны сказать спасибо князю Барятинскому. Когда его войска пошли на штурм последнего оплота Шамиля, у того оставалось не более 400 верных мюридов. Больше половины из них были русские перебежчики, причём такие, которым сдаваться нельзя – руки по локоть в крови. Имама тогда предали все. Самые верные наибы перекинулись к нам. Обоз с золотой казной разграбили свои же аварцы. Князю следовало бы перебить тех, кто отказался сложить оружие, и выжечь скверну дотла. Сил было предостаточно. Но он решил сделать подарок императору ко дню рождения, и каждый час был важен; могли опоздать на день-другой. И князь затеял переговоры об условиях капитуляции, вместо того, чтобы отдать приказ «в штыки!». Вот хитрый старик и выпросил у Барятинского прощение всем, кто оставался с ним в Гунибе. Так шестьдесят изменников, дезертиров, беглых каторжников ушли от возмездия. Многие потом попались на других преступлениях – они же ничего более делать не умели; но главные улизнули. Мы, военная разведка, знаем кое-кого поимённо. Их тайно ищут все сорок лет, и будут искать, пока все предатели не перемрут. Бывшие офицеры самые идейные и самые опасные из них. Ведь не туркам же служит старик-сартип; за турками стоят англичане. Всегда и везде, где идут козни против России, проглядывает британский след. Вот, недавно поймали Алпатова...

– Кто такой?

– Дезертир из моздокских казаков. Редкая сволочь. Как и Атарщиков, любил лихачить в наших тылах в полной форме. Нападал на тех, кто ехал без конвоя, грабил и уводил в рабство. Прославился тем, что похитил жену полковника Попова в 1842 году. Пришлось её, бедную, потом задорого выкупать. Сидел с

Шамилём в Гунибе, был отпущен князем Барятинским и сбежал в земли адыгов. В 1864 году Западный Кавказ был очищен от горцев, и Алпатов надолго пропал. Появился в 1877 году под Баязетом, где убивал наших раненых и пленных. Вместе с сыном Шамиля Кази-Магомой... После перемирия опять исчез. Год назад мы получили интересное сообщение. С пассажирских пароходов, направляющихся из Турции в крымские порты, отпускают в море почтовых голубей. Те летят над Чёрным морем в британское посольство в Константинополе, заучивают маршрут. Понятно, для чего?

– На случай войны?

– Именно! Англичане готовят пути для пересылки шпионских сведений от своей агентуры. Мы начали следить за голубятниками, и арестовали в Феодосии их резидента. Это и оказался давно разыскиваемый Алпатов. Так что, господа, всё очень серьёзно.

– Ладно, – подытожил Обручев. – Задача вам понятна. На сборы Таубе и Лыкову даю 48 часов. Письменные инструкции получите завтра у генерала Енгалычева. Подъёмные, господин коллежский асессор, возьмёте в своём департаменте. Вы временно, на три месяца, прикомандированы к Военному министерству с сохранением жалования по ЭмВэДэ. Уж извините – у нас режим экономии... Чёрт бы его побрал! Указания вашего министра графа Толстого вы обязаны выполнять только в той части, в которой они не противоречат полученным инструкциям. Всё ясно?

– Здорово, ваше высокопревосходительство, – съязвил Благово. – Деньги наши, а указания ваши. Награды, поди, тоже себе заберёте?

Но Обручев только набычился и просипел:

– Награды сперва надо заслужить.

Глава 2

Сборы

Два дня после совещания в Главном штабе ушли у Алексея в непрерывных сборах. Депатрамент полиции не собирался отпускать своего чиновника в командировку запросто так. В сыскное отделение Темир-Хан-Шуры[8 - Темир-Хан-Шура – столица Дагестанской области (нынешнее название – Буйнакс).] следовало передать целый тюк корреспонденции. Главный документ – «Особый секретный алфавитный список разыскиваемых преступников» – дополнялся опознавательным альбомом с фотографическими портретами злодеев. Плюс – семнадцать циркулярных писем, регламент о дознании политических преступлений, анкета к годовому отчёту городского полицейского управления, сметная ведомость и даже бланки служебных формуляров... Как будто коллежский асессор едет на Камчатку, а не на обжитый и обустроенный Кавказ!

Более всего Алексея поразило следующее письмо из родного департамента:

«В. нужное.

Экстренно.

Секретно.

Г-ну Полицмейстеру г. Темир-Хан-Шура.

Прошу принять меры к розыску и задержанию бразильского подданного Товия-Альфонса-Касадо Лима, бывшего казначея Манаосской таможни штата Амазонка. Указанный Лима присвоил себе 939 511 мильрейсов 476 рейсов (примерно один миллион рублей) и бежал в Европу. По некоторым сведениям, он мог приехать в Южные города России. Приметы...» и так далее.

Лыков с трудом представил себе беглого бразильского подданного, скрывающегося где-нибудь в Дербенте с мешком загадочных мильрейсов. Куда он с ними, бедолага? В трактире не примут, в гостинице тоже...

Плохие воспоминания пробудило другое письмо департамента:

«Арестантское.

Г-ну Полицмейстеру, всем Исполнительным Чиновникам.

Объявляется циркулярный розыск в отношении крпа [9 - Т.е. крестьянина.] Владимирской губернии Покровского уезда Митинской волости деревни Зиновской Финиеста Иванова Раковникова. Указанный Раковников в 1884 году в Петербурге во главе шайки душителее убил 8 и ранил 1 человека. В числе жертв фабрикант ваксы и чернил Гонтмахер. При задержании Раковников убил околоточного надзирателя. Приговорённый к бессрочной каторге, бежал с этапа, тяжело ранив ефрейтора конвойной команды и часового. По агентурным сведениям, может скрываться в Кавказских городах. Приметы: рост 2 аршина 5 и 5/8 вершка, рот обыкновенный, зубы все, нос продолговатый, лицо чистое. Возраст 30 лет. Волосы тёмно-русые, борода и усы рыжеватые. Телосложение плотное. У внутреннего края правой лопатки родимое пятно чёрного цвета. На груди на 4 пальца ниже левого соска пятно красного цвета; ниже его по той же линии рубец от бывшего небольшого нарыва. На правой ноге второй палец, рядом с большим, немного короче остальных. При задержании чинам полиции соблюдать особенную осторожность».

Лыков знал Финиеста Раковникова лично. В октябре у коллежского асессора родились близнецы. Одного сразу назвали Павлом – в честь Благово, а второму имя подбирали несколько дней. Алексей предложил Вареньке назвать малыша в память её покойного отца Александром. Однако та кротко, но твёрдо воспротивилась... Александр Нефедьев совершил страшный грех – покончил с собой в 1881 году, оказавшись замешанным в убийство. Неожиданно объявился побочный сын и предъявил доказательства законности своего рождения... Очень любивший свою Вареньку, оказавшуюся вдруг, вследствие подлой интриги, бесприданницей и незаконнорожденной, Нефедьев с отчаяния заказал убийство своего нежданного отпрыска. Когда всё совершилось, и оказалось притом бесполезным, он ужаснулся собственному поступку и застрелился. Дочь хоть и простила сразу же отца, но боялась перевести его имя на своего сына. Из понятного опасения – как бы вместе с именем не передалось ему тернистое прошлое деда. Когда Лыков понял причины, он согласился, чтобы второго малыша назвали в честь его отца Николаем; здесь молодые родители и помирились. И то сказать – это была их первая размолвка почти за год семейной жизни...

Близнецы росли крепкими и весёлыми. Внешнее их сходство не было особо сильным. Павлука оказался ниже ростом, и разрезом глаз пошёл в мать, а Николка более походил на отца. Счастливый папаша стал раньше возвращаться со службы, мог часами возиться с потомством в ущерб прочим делам. Его жизнь разом изменилась, сделалась наполненной и интересной, как вдруг случай показал коллежскому асессору обратную сторону этого счастья...

Летучий отряд департамента получил приказ: помочь столичному градоначальству в поимке банды Раковникова. Тот уже совсем распоясался, убив за два дня в Петербурге и окрестностях четырёх человек. Агентура донесла, что преступники скрываются в складе воздушных звонков на Большой Гребёцкой улице. Семеро мужчин в статском, все атлетического сложения, оцепили склад, но внутрь не заходили, замешкались у входа. Обычно это всегда и безбоязненно делал помощник начальника отряда Лыков. Но сейчас он вдруг вспомнил, как Павлука давеча расцарапал ему маленькими ноготками нос – и не смог переступить порога... Это было неожиданно, непривычно, очень постыдно, но ничего поделать с собой Алексей не мог. Прошло тягостных две минуты. Наконец сыскной городской Загулин крикнул и, шагнув вперёд, взялся за ручку двери. Тут Лыков опомнился, оттёр его плечом и с взведённым револьвером вскочил в склад; остальные ворвались следом. Но лишь услышали удаляющиеся шаги в дальнем конце огромного помещения. Алексей побежал на звук, остальные агенты с трудом поспевали за ним. Вторые ворота склада выходили на Малую Разночинную. Вылетев из них, коллежский асессор споткнулся о распростёртое тело околоточного надзирателя Кузнецова, поставленного здесь в засаду. В груди полицейского, напротив сердца, алела крупная ножевая рана...

В тот вечер Лыков не вернулся со службы домой, а принялся слоняться по холодному мокрому городу. Потоптался у парадной подъезда дома на Театральной улице, где жил Благово. Не вошёл... Не хотелось никого видеть. Сунулся в три портерных, выпил водки без закуски, но это не помогало. В глазах стояли его товарищи по Летучему отряду, надёжные, проверенные в опасных делах люди – и как они смотрели на Лыкова там, у склада, и отводили торопливо глаза. Начальник, надворный советник Мукосеев, хлопнул своего помощника по плечу и сказал задушевым голосом:

– Не кисни, Алексей Николаич, эдак с каждым бывает. Как поймешь, что цена твоей жизни теперь другая... Ничего, привыкнешь.

Агенты отряда поддержали Мукосеева и тоже сказали ободряющие слова. Жизнь есть жизнь, люди это понимали. Но и Лыков понимал, что в смерти околоточного надзирателя виноват лично он. Себя пожалел – а его заместо себя под нож поставил... И теперь товарищи уже никогда больше не будут уверены в нём до конца, как было до этого случая.

Лыкову пришлось смириться со случившимся. Теперь он каждый месяц заносил вдове Кузнецова сто рублей (вдвое больше жалования погибшего). Серая, убитая горем женщина деньги брала и очень благодарила, но сыщику всё казалось, что она никогда его не простит. Может быть, только казалось... Чувство вины, мучавшее Алексея, толкнуло его на крайне неосторожный поступок. Агентура донесла, что Раковников укрылся в Пироговской лавре. Когда Летучий отряд закупорил с обеих сторон Малков переулок, Лыков оставил своих людей у входа, а сам пошёл на разведку. Сказал: погляжу осторожно, и вернусь. А сам отправился брать Раковникова в одиночку. Осведомитель сообщил, что с «мазом» всего один сообщник. Он ошибся: в маленькой комнатке укрывалось, считая с Раковниковым, пять крепких и бывалых головорезов. Это была, наверное, самая трудная и опасная схватка в жизни Лыкова: он получил три ножевых ранения, а удар кистенём скользнул по голове и перебил уже однажды сломанную ключицу. Двоих бандитов Алексей выбросил в окно с четвёртого этажа: они упали на крышу дровника, сильно расшиблись, но выжили. Только тогда товарищи Лыкова сообразили, что к чему, и бросились наверх. Когда они ворвались в комнату, Лыков, весь в крови, сидел верхом на главаре и выкручивал ему руку в плечевом суставе. Ещё два гайменника[10 - Гайменник – убийца (жарг.)] лежали по углам: у одного, живого, был выбит глаз, голова второго была страшным ударом вколочена в грудную клетку...

Алексей лечился целый месяц. Варенька только теперь поняла настоящий характер мужниной службы. На время лечения коллежский ассессор был отозван из Летучего отряда и причислен к МВД без должности. Шло расследование происшествия. Лыков доказывал, что был неожиданно обнаружен бандитами во время разведки, и оказался вынужден вступить в схватку. Но начальство ему не верило. Новый директор Департамента полиции Дурново собирался отчислить Лыкова – из-за непозволительных эмоций тот поставил под удар всю операцию. Но не решился: Алексей был лично известен императору. Кроме того, за скромным коллежским ассессором высилась тень Павла Афанасьевича, который был вхож в такие кабинеты, что страшно вымолвить. И Дурново отступил. Лыкова лишили наградных к Рождеству и вернули в Летучий отряд.

Благово дождался, пока Алексей встанет на ноги, и увёз его на охоту в Вартемяки. Хозяин имения, граф Пётр Шувалов, начальник Гвардейского корпуса, предоставил гостям и егерей, и отдельный флигель. Два дня учитель и ученик караулили волков на номере, пили водку у костра и беседовали о всякой всячине. Вернулись посвежевшие, и уже на пороге, прощаясь, Павел Афанасьевич сказал:

– Понимаю: страшно жить, когда ты не один. Делаешься очень уязвим... За них всегда боишься больше, чем за себя. А за себя боишься по-новому, не как прежде. Опасаешься не дожить до следующих степеней счастья, видеть, как они растут, мужают... Женить их, повзрослевших, ждать потом внуков... Я лишён этого, но понимаю тебя. И все понимают: Мукосеев, товарищи по отряду, даже Дурново. Тебе надо научиться жить с этим. И не делай, пожалуйста, больше таких глупостей.

И вот теперь Раковников бежал с этапа. Хорошо бы встретить его в этих самых «Кавказских городах». И свернуть при задержании шею.

Благово дал Алексею ещё одно личное поручение, не объясняя его сути. Требовалось зайти в архив Окружного суда на Литейном, взять некую банку под номером 43 и отвезти её в Темир-Хан-Шуру. А там Лыкова встретят и посылку заберут. На вопросы, что это за склянка, зачем везти её так далеко и кто получатель, шеф лаконично сказал:

– Делай, что велю.

И Алексей отправился на Литейный.

Надо было забраться на самый чердак огромного двухэтажного, на высоком цоколе, здания суда. Поднявшись, он сразу почувствовал тяжёлый неприятный запах. Очень знакомый запах – так сохраняют разлагающиеся трупы... А ещё резкая добавка спирта, которая делала пребывание на чердаке чуть более терпимым. Около сотни стеклянных банок, выставленных на полу и на длинных деревянных столах, занимали всё помещение. Некоторые были укутаны в обёрточную бумагу, но большинство стояло открыто. В банках, хорошо различимые в формалине, плавали то отрубленные людские головы, то руки, то ноги, а где и внутренности... Это был архив останков жертв давнишних преступлений; некоторые склянки стояли здесь уже более двадцати лет. Как вещественные доказательства, они фигурировали в суде и должны были теперь храниться бессрочно.

Даже привычного Лыкова замутило от увиденного. Смотритель архива, румяный крепыш с петлицами коллежского секретаря, улыбнулся:

– У нас все тушуются! Это от отсутствия привычки.

– К чёрту такую привычку. А вы, стало быть, обвыкли?

– Да уж восьмой год эти потроха караю, поневоле привыкнешь. Какая там у вас банка?

– Сорок третья.

– Ага, это вон в том конце. Между головами фон Зона и Штрама.[11 - Надворный советник Н.фон Зон был убит с целью ограбления 7 ноября 1867 г.; Ф.Штрам убит собственными женой и сыном 11 сентября 1871 г. Архив останков сгорел вместе со зданием Окружного суда в феврале 1917 г.]

– А в моей банке что находится?

– В вашей-то? А сердце.

– Сердце? Чьё?

Как раз они проходили мимо очередной ёмкости, в которой плавало что-то белёсое и волокнистое.

– Это кишки того парня, что в 74-м нашли на колокольне Спасской церкви... – пояснил смотритель – А сердце доставили в 67-м году из Новгородской губернии. Принадлежит оно какому-то магометанскому фанатику по прозванию Кунта-Хаджи.

– Ну и ну! – удивился Лыков. Как человек, бывавший на Кавказе, он слышал это имя. Основатель и вождь чеченского вирда братства Кадирия[12 - Вирд – отделение. Кадири – одно из ответвлений суфизма. Основано великим персидским теологом Абдул Кадиром в XII веке.], Кунта происходил из простых пастухов. Став главой братства на Кавказе, он привёл в него множество сторонников и сделался влиятельной теневой фигурой, фактически равной официальной власти. Русской администрации это не понравилось, и в 1864 году шейх был арестован и выслан в Новгородскую губернию. Говорили, что он умер в ссылке, а тело его было выкрадено учениками и тайно похоронено где-то в горах. И вот теперь Благово зачем-то заставляет Лыкова возвратить на Кавказ сердце этого давно забытого властителя умов...

– А как этот трофей оказался в здешнем архиве?

Смотритель глянул в толстый журнал.

– Об этом имеется следующая отметка: «Означенный орган вырезан и препровождён для бессрочного хранения по особому распоряжению Кавказского Наместника великого князя Михаила Николаевича».

– Это для чего же?

– И сие разъяснено. Вот: «С целью лишить мятежников предмета, могущего быть фетишем».

– Глупость какая! – не выдержал Алексей. – Вместо того, чтобы предать покойника земле, как велит порядочность, режут его на части... Нашли фетиш! Давайте сюда банку.

Лыков аккуратно уложил свою странную ношу в чистый холщёвый мешок, расписался в журнале и почти бегом удалился из страшного места. К анатомическим деталям он относился спокойно – много уже повидал их на своём веку. Как православный человек, Алексей был возмущён диким произволом бывшего кавказского наместника. Если Благово хочет, чтобы именно он вернул сердце хаджи в горы, то что ж; это вполне по христиански.

– Павел Афанасьевич, – доложил он через четверть часа, – банку я из архива забрал. Как мне поступить, ежели вдруг в Темир-Хан-Шуре меня с ней никто не встретит?

Благово хмыкнул в седые усы:

– Встретят и заберут, не бойся.

– А зачем это вообще делать?

– Для твоей безопасности.

– Нельзя ли разъяснить? – спросил Алексей с некоторым раздражением.

– Не злись, пожалуйста. Окончательно ты это поймёшь, когда окажешься там, в горах.

– Я, позвольте напомнить, там уже бывал. И всё равно не понимаю.

– Ты бывал там, я помню. И воевал, и кровь проливал. Но в качестве кого? Как вольноопуп. Вольноопределяющийся первой категории.[13 - Вольноопределяющийся первой категории – доброволец, окончивший полный курс гимназии.] А здесь политика, восточная, азиатская. Когда ты окунёшься в неё по самую маковку, вместе со своим другом-бароном, то скажешь мне спасибо за идею с посылкой. Пока же поясню лишь одно. Кунта-Хаджи умер, но организация его жива и даже процветает. Кадирийский тарикат сделался параллельной структурой власти, теневой администрацией всего Северного Кавказа. Правительство опасается его, пытается искоренить, и, на мой взгляд, совершенно напрасно. Надобно с ним сотрудничать, извлекать свои выгоды. Однако кавказское начальство ещё со времён Михаила Николаевича отличается тупостью и нежеланием ладить с горцами. А ты выкажешь себя другим! Братство Кадирия будет очень признательно тебе за подарок. Очень! И это может весьма пригодиться вам с Таубе.

– Как состоится передача?

– Очень просто. Они сами тебя отыщут, как только приедешь. Отдашь, они сядут на коней и ускачут. «Спасибо» не жди. Но эти люди добро помнят.

– Получается, что вы своей властью отменили распоряжение великого князя?

– Получается. Я поговорил с председателем Окружного суда, объяснил абсурдность и дикость команды наместника, и тот написал записку в архив.

– Вас накажут, если узнают.

– Алексей! Это ерунда по сравнению с теми действительными опасностями, которые достанутся тебе... Так что, бери склянку и езжай домой, укладываться в дорогу. Я приеду на вокзал проводить.

Глава 3

Дела семейные

Лыков пошёл на квартиру, стараясь поменьше махать мешком с банкой. Не дай Бог, разобьёшь... Коллежский асессор жил теперь совсем рядом со службой, на углу Моховой и Пантелеймоновской. После рождения детей жалование перестало его интересовать. Сыновья, получив двойную фамилию, унаследовали огромное заповедное имение в Костромской губернии, дающее почти сто тысяч годового дохода. Лыков был назначен опекуном имущественных интересов собственных детей до достижения ими совершеннолетия. Управляющего он искал недолго. Вскоре после выхода именного указа о появлении фамилии Лыковых-Нефедьевых из Нижнего Новгорода пришло письмо. Старый друг Ян Титус сообщил сразу две новости. Во-первых, он тоже женился, а во-вторых, поссорился со вздорным губернатором Барановым. И получил от него совет уволиться от должности начальника сыскной полиции. Ян просил приискать ему место, и лучше не в полиции, а какую-нибудь частную службу. Надоело видеть каждый день одни преступные рожи и пытаться, как говорят немцы, вычерпать водоём клинком... Предложение переехать в крохотный городок Варнавин (1052 жителя!) и взять в управление заповедное имение бывший сыщик принял с удовольствием. Должность самостоятельная и не простая. Воровать он не умеет, но умом Бог не обидел. Содержание – в четыре раза выше казённого! А отчитываться – Лёшке Лыкову... Эх-ма! Госпожа Титус оказалась тоже не прочь уехать в лесную глушь. Происходила она из честного купеческого семейства, светские соблазны её не прельщали. Любви мужа и уважения соседей ей было достаточно; ещё бы детей побольше... Так Ян оказался в глухих костромских лесах, где с удовольствием занялся новым делом, умножая в перерывах количество маленьких Титусиков. А Лыков получил управляющего, за которым не нужно проверять счета.

Коллежский асессор не сразу привык к богатству. Он имел собственный капитал, полученный от сдачи в казну ворованного золота. В своё время Лыков разгромил в Забайкалье шайку «нерчинского губернатора» Бардадыма и конфисковал песок и самородки, украденные им с кабинетских приисков. Жалование плюс проценты с этого капитала позволяли сыщику жить без роскоши, но вполне обеспеченно. Свалившееся с женитьбой на него богатство он своим не считал – это деньги супруги и детей. Но начались ссоры с Варенькой, когда она пыталась

приодеть мужа или купить ему новые запонки. Наконец однажды, после очередного неприятного объяснения, Варенька сказала ему своим кротким голосом:

– Дорогой, что же у нас будет за жизнь, если мы продолжим делить деньги на твои и мои? Мы четверо – одна семья. Ты у меня, слава Богу, не мот и не картёжник; лишнего у детей не отнимешь. А быть замужем за оборванцем я не согласна!

И Лыков согласился. Сам понимал, что делается уже смешон в своей излишней щепетильности. Коллежский асессор безропотно принял золотые запонки и обновил мебель в кабинете. В новой шестикомнатной квартире у него теперь был и свой кабинет! Кухарка, горничная и няня составили штат прислуги; лакея для себя и выезд Лыков запретил даже обсуждать. Безбедная, почти роскошная жизнь обходилась молодому семейству всего в пять с половиной тысяч в год. Эти расходы полностью покрывались жалованием сыщика и процентами с его капитала. Правда, если не считать сумм на съём квартиры – самой дорогой статьи столичных расходов. Необходимые две тысячи (включая дрова) выплачивались уже из доходов от имения. Ещё около тысячи рублей уходило на различные экстренные нужды. Все остальные поступления помещались в банк на имя Павла и Николая Лыковых-Нефедьевых равными долями.

Варвара Александровна явила собой пример очень приличной светской дамы. Молодая и красивая, имевшая в Петербурге большое и знатное родство, она делала все положенные визиты и поддерживала необходимое знакомство. Но дети и муж оставались на первом плане. Часто приходили в гости Благово и Таубе, а ещё помощник пристава Спасской части подполковник Закс-Гладнев и городской Фёдор Кундрюцков. К последнему Варенька особенно благоволила.

Весь высший свет помнил, что государь принял личное участие в судьбе юной сироты. Дважды (!) по ней издавались именные указы: о возвращении фамилии девице Нефедьевой, и о переходе наследственных имущественных прав к её потомству. Благодаря этому, молодое семейство было окружено уважением – и осторожным любопытством. Богатырь, не очень уверенно державшийся в шикарных гостиных, неброский и молчаливый, хорошо смотрелся возле красавицы жены. Покровительство императора, словно невидимый щит, прикрывало оперативника. В январе этого года фон Плеве был сделан товарищем министра внутренних дел, и директором Департамента полиции стал Пётр Николаевич Дурново. Как и Павел Афанасьевич, он служил ранее во флоте,

оттуда перешёл в судейские и несколько лет состоял в департаменте вторым вице-директором. В свете шутили, что выбирая между благим и дурным, государь выбрал дурного... Испытывая давнюю неприязнь к своему коллеге и сопернику, новый директор начал было выживать его, а заодно и Лыкова. Но тут же с самого верха раздался такой окрик, что Дурново сразу притих. Служба вроде бы наладилась, но Алексей был рад, что его семейство теперь навсегда материально обеспечено и не зависит от жалования. Правда, жизнь рантье он себе представлял плохо. Таубе недавно успокоил своего приятеля, сказав: «Станет совсем плохо – возьму к себе в разведку».

Лыков зашёл в квартиру, сбросил сюртук с фуражкой на руки горничной Авдотье, а склянку с секретным содержимым аккуратно поставил в одёжный шкаф. Хотел сразу пройти в детскую, но не успел: из коридора послышалось звонкое шлепанье об пол четырёх маленьких ладошек. Павлука и Николка сами ползком чесали к нему наперегонки. Схватив потомство в охапку, счастливый папаша отправился с ними в путешествие по квартире. В гостиной обнаружил жену. Та сидела за географическим атласом, раскрытым на слове «Кавказ» и делала вид, что не грустит. С тех пор, как она увидела мужа после трёх ножевых ранений, Варенька сразу и навсегда поняла скрытую суть его службы. И что ей придётся мириться с этим, ждать страшного известия и надеяться, что оно не придёт.

– О! Дагестан! – сказал Алексей, присаживаясь в кресло напротив и спуская детей на пол. – Бывал я в тех краях. Горы такие красивые...

– Ага, – неожиданно шмыгнула носом супруга. – И люди там душевные. Только все с ружьями и кинжалами.

– Так мы с Витькой будем, и при нас сотня казаков в придачу, – соврал Лыков. – А потом, на Кавказе давно уже тихо. Настрелялись все вдоволь. Посмотри лучше, Чунеев, кажется, мокрый.

Чунеев – было прозвище Николки, а Павлуку звали – Брюшкин.

Но Варенька шмыгнул ещё громче и из глаз её полились беззвучные слёзы.

– Перестань, перестань, – Алексей мягко вытер жене глаза платком. – Не реви, пожалуйста, детей напугаешь. Я вернусь. Я всегда отовсюду возвращаюсь.

Скажи лучше, что тебе привезти с Кавказа. Там в Кубачах делают замечательные вещи. Говорят, именно кубачинцы изготовили двурогий шлем Александру Македонскому, а нашему Александру Невскому выковали серебряный щит. Куплю тебе там браслеты. Иди, распорядись насчёт ужина, а я пока дособеру вещи.

Варенька улыбнулась сквозь слёзы и вышла. Брюшкин и Чунеев припустили следом за ней. Алексей вернулся в прихожую, незаметно вынул мешок и, таясь, пронёс его в комнату. Аккуратно уложил сердце Кунта-Хаджи в седельный чемодан, закутав банку в носильные вещи. В другой конец чемодана поместил револьвер «бульдог». Он не сомневался, что этот предмет весьма понадобится ему в предстоящей командировке...

Глава 4

Начало пути

Поезд на Москву уходил в половине одиннадцатого пополудни. Утром Лыков с Таубе оказались в Первопрестольной. Алексей не был тут два года, с самой коронации. Начальство торопило, поэтому в Нижний они выехали спешно, едва успев отобедать. Ещё четырнадцать часов в дороге, и коллежский ассессор обнял матушку и сестрицу.

Хорошо дома! Половодье уже сошло, Волга вернулась в берега. На деревьях нерешительно пробивались первые листья. Лыков с Таубе почти не соснули – чуть не до утра просидели с Форосковым и Титусом. Ян по такому случаю был вызван телеграфом из Варнавина. Пётр Форосков служил ранее его помощником в сыском отделении. Когда Титус уволился от должности, Пётр тоже не захотел остаться. Теперь он состоял при пароходном товариществе Зевеке в качестве «делопроизводителя по тонким делам». Известно, что в России расцвёл новый мошеннический промысел. Специальные адвокатские конторы в Москве и Петербурге занимались взысканием с фабрик, железных дорог и пароходных обществ денег за причинённые работникам или пассажирам увечья. С этой целью они создали сеть платных осведомителей, сообщавших им обо всех произошедших несчастных случаях. Адвокаты выкачивали потом с ответчиков крупные суммы страховых выплат. Из которых самим жертвам доставались

крохи... Форосков препятствовал появлению таких исков, договариваясь с жертвами несчастий во внесудебном порядке; отвечал и за предотвращение краж на пароходах и складах товарищества. Новая служба была беспокойной и иногда опасной, но хорошо оплачивалась. В полиции Петра любили и, при необходимости, охотно помогали...

Утром следующего дня Лыков с Таубе пошли представляться. Сначала, как положено, явились в Губернаторский дворец. Начальник губернии затаил злобу на Алексея ещё с Петербурга, где служил некоторое время градоначальником. Однако телеграмма министра внутренних дел была категоричной: «Оказать полное содействие», и уклониться от приёма Баранов не мог. Он вышел к посетителям в сюртуке с Георгием, мрачно выслушал рапорт, поинтересовался, в чём именно гостям требуется помощь. Таубе, как старший, вёл разговор, Алексей больше молчал. Выяснив, что нужно быстроходное судно для отбытия в Астрахань, губернатор набросал записку полицмейстеру и холодно простился.

Выйдя от Баранова, приятели разошлись. Подполковник пошёл представляться старшему воинскому начальнику. В Нижнем Новгороде квартировала 1-я бригада 3-й стрелковой дивизии. К её командующему, генерал-майору Коноплянскому, барон и отправился. А Лыков поспешил на своё прежнее место службы, в городское управление полиции.

Полицейстер Каргер встретил бывшего подчинённого радостными восклицаниями:

– Лёша! Экий ты сделался молодец!

Старик выбежал из-за необъятного стола, обнял Алексея и прижал к себе. Затем отступил на шаг, осмотрел внимательно иконостас на груди:

– Уже и шейный орден заимел! Коллежский асессор!

– Что ордена, Николай Густавович! Вот у меня два сына родились, так это событие! Одного Павлом назвали, понятно, в честь кого; второго Николаем. Восьмой месяц пошёл. Мордарии – во! Лихие должны быть ребята.

– Ещё бы! Папаша у них герой. Ну, садись, расскажи, как служба идёт. Я слышал, ты у самого государя на примете?

– Не то, чтобы на примете, но Станислава на шею он мне сам вручил. И камер-юнкерские орлы[14 - Имеются в виду двуглавые орлы на мундирных петлицах и погонах, отличительные знаки камер-юнкера.]. А Павлу Афанасьевичу – камергерский ключ. Мы вдвоём были удостоены личной аудиенции. Силищи у его величества, почти, как у меня! Так руку сжал, что чуть пальцы не сломал!

– Ха! Тебе сломаешь... А как с новым начальником? Разное о Дурново говорят...

– Ну, дело-то он знает. Дурново исправлял должность с ноября прошлого года, так что, мы уже притёрлись. Служить можно.

– Ещё говорят, что ты сделался богач...

– Заповедное имение Варвары Александровны даёт такой доход, что о жаловании я могу уже не думать. Да и сам кой-чего в Забайкалье заработал... Помните, я вам на свадьбе рассказывал? Так что, копейки больше не считаем.

– Молодец, Алексей, – кивнул Каргер. – Материальная независимость в России важнее чина или ордена. Я вот генерал-майор, а концы с концами едва свожу. Тут ещё этот случай...

Год назад в заречной слободе Кунавино, ни с того, ни с сего, разыгрался кровавый еврейский погром. Какая-то дурная баба бросила свою полуторагодовалую дочь посреди улицы в грязи. Две еврейские девочки, семи и десяти лет от роду, увидев это, взяли ребёнка на руки и пошли искать мамашу. Но она вскоре подросла сама и подняла крик, что «жиды украли младенца». И этой глупой истории оказалось достаточно для того, чтобы полупьяная толпа принялась громить еврейские лавки и квартиры... Беззаконие продолжалось до утра. Каргер во главе небольшого отряда полицейских и пожарных пытался предотвратить кровопролитие, но не очень преуспел – силы были не равны. Шестидесятидвухлетний генерал лично схватил троих погромщиков, получив от толпы контузию в грудь. Итогом болтовни недалёкой бабы стали девять убитых евреев.

– Веришь, Лёша – чуть со службы не турнули. Восемнадцать лет полицмейстером, никогда ни одного замечания, и из-за какой-то дуры... Ну, ладно; это я по стариковски. Обидно. Давай, рассказывай теперь, по какому делу

ты здесь?

Лыков выложил записку губернатора.

– Так... Быстроходное судно. Осетров на Каспии бить собрался? хи-хи...

– Секретная командировка в Дагестан, – лаконично ответил коллежский ассессор.

Николай Густавович немедленно вызвал начальника речной полиции капитана второго ранга Жеребко-Ротмистренко. Тот доложил, что буксирный пароход «Боярышня» может отплыть через восемь часов. Условились, где судно будет их дожидаться, и Лыков ушёл гулять по родному городу. Он не спеша фланировал тихими после столицы улочками, то и дело вспоминая свои старые расследования. Вот губернская гимназия, в которой убили единокровного брата Вареньки Михаила Обыденнова. А здесь хлысты в 79-м собрались уже душить Благово, да Алексей вовремя подоспел... Особняк Бурмистрова, в котором жена с любовником отравили несчастного хозяина... Казарма на Грузинской, где сормовский мазурик зарезал часового... Теперь другие сыщики ловят в Нижнем Новгороде других бандитов.

Алексей вернулся домой и провёл оставшиеся несколько часов с матушкой и сестрицей. Та была в положении. – муж, волжский капитан, наконец-то занялся делом... В условленное время сыщик и разведчик прибыли к Боровскому перевозу. «Боярышня» уже стояла под парами. Загрузили вещи, Лыков помахал родным берегам, и пароход отчалил.

Путь до Астрахани занял четверо суток. Никогда ещё у Алексея не было такого приятного путешествия. Судно в их полном распоряжении, денег полны карманы, а в качестве начальника и попутчика – лучший друг! Питались они преимущественно стерлядью, которую на ходу ловили матросы. На пристанях, когда «Боярышня» становилась под загрузку дров, бегали на пассажирские пароходы, чтобы поесть в их буфетах мясного и выпить чарку водки.

23 мая прибыли в Астрахань. Алексей зашёл на полицейский телеграф – для него ничего не было. Таубе же вернулся от воинского начальника с длинным шифрованным донесением, которое разбирал полчаса, сверяясь с блок-нотом. Прочитал, помрачнел.

- Что, турки объявили нам новую войну? – съехидничал коллежский асессор.
- Кажется, выяснилась личность нашего старика в жёлтой чалме. Он действительно русский, фамилия его Лемтюжников.
- И кто таков?
- Известный в наших кругах человек. Сорок лет его ловим, поймать не можем!
- Расскажи подробнее.
- Сейчас не время. Но это плохая новость. Сволочь ловок, как... не знаю даже, с чем сравнить. Хотя, ежели мы его поймаем, нам с тобой, Лёха, сразу обеспечено место в раю! Столько на нём русской крови... А есть и вторая плохая новость. Наш осведомитель в окружении резидента разоблачён. Исправнику прислали в мешке его голову. Так что, задачка попасть в рай усложняется.

В пыльной, пропахшей рыбой Астрахани, едва отошедшей от половодья, путешественники задержались недолго. На каждого было по два седельных чемодана багажа. Остановились с ним в гостинице, сходили в ближайшие бани и к вечеру отправились на пристани.

Каспийское море очень коварно, поэтому друзья не сели на парусный баркас, а выбрали большой колёсный пароход общества «Кавказ и Меркурий». Пятнадцать часов пути с сильной болтанкой весьма их измотали, поэтому на твёрдую землю путешественники ступили с облегчением. Порт-Петровск[15 - Современное название – Махачкала.] оказался крохотным грязным городишком, совсем почти не туземным. Он был построен сорок лет назад как база для снабжения морем Кавказского корпуса, беспрестанно воевавшего в Чечне и Дагестане. Смотреть в городе было нечего, поэтому командированные быстро наняли возницу и поехали на юг.

Глава 5

Темир-Хан-Шура

От Петровска до столицы Дагестанской области всего 40 вёрст – три часа неспешной езды в коляске. Выехав по Гудермесской дороге, они вскоре свернули на благоустроенное Меликовское шоссе. Князь Меликов в течение двадцати лет был бессменным начальником области и, в числе прочих полезных дел, соединил Темир-Хан-Шуру с морем. Путь странников лежал с Кумыкской равнины к дагестанским горам. Горы! Вот они, пока ещё как мелкие зубцы, сияют снеговыми вершинами на горизонте. Сердце Лыкова учащённо билось. Девять лет назад двадцатилетним «вольнопупом» он впервые попал на Кавказ и был поражён его величием. Казалось, эта страна создана для гигантов. Стремительные, необыкновенно чистые реки; невероятной высоты седоголовые пики; непроходимые лесные чащи и опасные каменные осыпи... Лазая по горам, Алексей встречался с турами, находил на скальные доисторические рисунки и древнее оружие; однажды даже встретил огромного роста волосатого человека, похожего на гориллу. Самым же интересным на Кавказе оказались люди. Особенно туземцы – смелые, гордые, гостеприимные, часто опасные. Многие смотрели на него, как на захватчика и, при случае, не прочь были срезать гяуру голову. Были и другие – отслужившие в императорском конвое, с гордостью носившие русские медали, честно исправлявшие должности в местной администрации. С момента падения Шамиля прошло уже 27 лет, выросли новые поколения мирных людей, развивались торговля и промышленность. Но по-прежнему управляла этим краем армия. Вот и сейчас, по пути в город, навстречу Алексею чаще попадались люди в погонах, нежели обыватели.

Коляска въехала на очередной пригорок, и неожиданно путникам открылся вид на столицу Дагестана. Лошади сами собой, без понукания, припустили вскачь, и через полчаса остановились возле гостиницы.

Темир-Хан-Шура знаменита своим местоположением. По преданию, в 1396 году здесь, на берегу большого озера Ак-куль, расположилось лагерь войско самого Тамерлана. В горах его называли Темир-Ханом, а «шура» по кумыцки – озеро; так и сложилось название. Когда армады Железного Хромца ушли, на месте их стоянки возник аул. Место было бойкое: у озера сходились важные стратегические дороги, соединяющие Аварию и Салатавию с Дербентом и Кизляром. Аул процветал. Сначала он входил в Тарковский шамхал, потом в особый удел Бамата. А затем столь выгодное местоположение приглянулось русским, и в 1832 году возле деревни появилось военное укрепление. Сначала оно было складочным пунктом для снабжения русских войск. Через два года его основательно расширили и назначили ставкой командующего войсками в Северном Дагестане. Озеро – рассадник лихорадки – осушили, а туземцев

переселили в Халимбекаул.

11 ноября 1834 года Темир-Хан-Шуру осадили мюриды под командой самого Шамиля. Храбрый аварец только что был выбран сходом горских общин новым имамом, вместо своего друга Гамзат-бека, убитого знаменитым впоследствии Хаджи-Муратом. Шамиль решил воспользоваться ослаблением гарнизона. Отряд генерал-майора Ланского из 13 батальонов пехоты и 9 сотен казаков, при 40 орудиях, вышел из крепости и отправился на взятие Хунзуха – столицы Аварского ханства. Оставшиеся в укреплении 4000 солдат больше месяца отбивались от полчищ горцев. 15 декабря отважный генерал Фрейтаг пришёл с подкреплением на выручку гарнизону и нанёс Шамилю сильное поражение. Новоиспечённый имам отступил в отдалённый аул Ашильта, родину своей матери, и на три года прекратил активные боевые действия.

Уцелевшая Темир-Хан-Шура продолжила расширяться. В 1847 году она была назначена местопребыванием управляющего гражданской частью в Прикаспийском крае, а в 1866 стала городом. На Кавказе, когда хотели развить какой-то пункт, или усмирить его окончательно, всегда назначали его штаб-квартирой полка или дивизии. Место тут же начинало расцветать. Солдат надо кормить и обслуживать, а офицеры и чиновники любят покупать горские изделия для сувениров. В результате в Темир-Хан-Шуре появились два завода – консервный и по изготовлению кизлярки. А также школа, училище, 2 мечети, 2 синагоги, 2 православных храма, армянская церковь и костёл. В разное время в крепости служили поэты Лермонтов и Полежаев, писатель Александр Бестужев-Марлинский, а в 1857 году город посетил сам Александр Дюма!

Лыков и Таубе заселились в гостиницу Рустамбекова, наскоро умылись и пошли представляться начальнику Дагестанской области. Алексей с любопытством глазел по сторонам. За девять лет, что он здесь не был, город изрядно переменялся и украсился.

Темир-Хан-Шура вытянулся вдоль реки Шура-Азень на несколько вёрст. Сам город расположен у подножья плоских и безлесых предгорий, за которыми сияет снежная гряда Гимринского хребта. На главной площади возвышается белая громада Андреевского военного собора. Храм виден из любой точки областной столицы. Однокупольный, с поставленной прямо на трапезную колокольней, он – самое высокое строение во всём Дагестане. Вокруг храма, по сторонам Соборной площади, расположены все главные здания областного управления –

присутственные места, канцелярия начальника, штаб 30-й дивизии, акцизное ведомство, казначейство и управление гражданской частью. От площади начинается и главная улица города – Аргутинская. Она названа в честь знаменитого князя Моисея Захаровича Аргутинского-Долгорукова. Сей достойный муж выслужил генерал-адъютантский чин в непрерывных войнах с персами, турками и горцами. Всю свою службу Самурский лев – так прозвали князя – провёл только на Кавказе. Он дважды брал штурмом столицу Шамиля аул Гергебиль. Тридцать лет назад в Тифлисе прославленного генерала сразил паралич, и благодарные шурины установили недавно герою памятник в начале улицы, названной его именем.

На Аргутинской Лыков обнаружил много красивых домов, некоторые из которых были даже каменными и трёхэтажными. Лучшие магазины и несколько кондитерских и винных погребов располагались здесь, придавая улице парадный и завлекательный вид. Боковые переулки тоже выделялись опрятностью и живописностью строений. Прямо как в хорошем губернском городе! Аккуратные деревянные мостовые, мощёные камнем площади, шоссированные улицы и зеркальные витрины лавок ласкали глаз. Среди толпы, довольно многочисленной, преобладали два типа: военные и, почему-то, евреи. Последних было даже больше, чем горцев. Много попадалось и главных торговых конкурентов иудеев – армян. Сновали озабоченные поляки с бритыми лицами, степенно вышагивали крепкие бородатые молокане; немало, конечно, имелось и магометан. В Дагестане больше, чем где-либо ещё на Кавказе, смешалось разных народностей. Основные – это аварцы, даргинцы и лакцы, они же казикумухи. А есть ещё кайтаги, кара-кайтаги, кубачинцы, цехуры, кумыки, таты, лезгины, табасарийцы, бежтинцы, титдийцы, богулалы, гуизебцы, рутульцы... Все разговаривают на своих наречиях. А в языке табасарийцев, к примеру, 37 падежей! Всего в Дагестане 30 народов и 70 диалектов; голову сломаешь, думая, как управлять таким Вавилоном...

В двухэтажный помпезный особняк военного губернатора путешественники вошли за полчаса до окончания присутствия. Генерал-лейтенант князь Чавчавадзе уже собирался уходить «домой» – наверху у него была казённая квартира. Быстро подавив гримасу недовольства, он принял рапорт, задал несколько вежливых вопросов и перепоручил гостей правителю канцелярии. Старый, тучный и лысый полковник тоже не собирался нянчиться с приезжими:

– Приходите завтра часам к двенадцати, а покамест погуляйте, познакомьтесь с городом. Ужинать советую в чайхане Ильясова, это вон там, через площадь.

И, надев фуражку, откланялся.

Друзья вышли следом. Лыков с интересом наблюдал, как полковник степенно вышагивает по бульвару и абсолютно все встречные его приветствуют!

– Кавказ есть Кавказ, привыкай, барончик! – сказал он Таубе. – Военный министр далеко, и здесь живут по своим часам.

– Да, – вздохнул тот. – Я уже понял. День потерян.

Как бы в подтверждение его слов из здания областного управления толпой повалили писаря, обер-офицеры и туземцы в черкесках. Все они с любопытством рассматривали незнакомцев, особенно останавливаясь взглядом на подполковнике со столь редким в провинции флигель-адъютантским аксельбантом. Неожиданно из толпы выделился высокий, с прямой спиной капитан. Подошёл, откозырял:

– Прошу прощения, вы подполковник фон Таубе и коллежский асессор Лыков?

– Именно так.

– Я начальник секретного отделения канцелярии областного управления капитан Ильин. Прикомандирован от начальника области к вашему отряду. Виноват – ждал вас завтра.

– Вины вашей никакой нет, – ответил Таубе. – Мы не хотели задерживаться в Петровске, и телеграмму высылать тоже не стали. Рад познакомиться; меня зовут Виктор Рейнгольдович.

– Алексей Николаевич.

– Благодарю; меня звать Андрей Анатольевич. Полностью к вашим услугам. Мне поручено князем Чавчавадзе подготовить экспедицию в горы.

Капитан производил хорошее впечатление. Мужественное, сильно загорелое лицо человека, не просиживающего в кабинетах. Рыжеватые усы, оспина на левой щеке. Фигура крепкая, движения точные и энергические. Взгляд серо-

зелёных глаз цепкий и немного отстранённый, закрытый. В душу себе, видимо, не пускает... В целом Ильин представлялся человеком серьёзным и, что называется, тёртым. Он был одного возраста с Лыковым.

– Вы коренной кавказец? – поинтересовался коллежский асессор.

– Точно так. Родился в Кутаисе. Ни разу в жизни с Кавказа не выезжал.

– Давно заведуете секретным отделением? Имеете ли военный опыт? – спросил подполковник.

– За участие в штурме Карса награждён орденом Святого Станислава третьей степени с мечами. Отделением заведу скоро, как четыре года; объездил почти весь Дагестан.

– Там, куда нам предстоит путь, тоже бывали?

– Там не бывал. Это особое горское общество: богосцы. Они проживают вдоль Богосского хребта – самого труднодоступного места во всём Дагестане. Гора Эдрас, высочайшая в тех краях вершина, является базисом шайки; но где именно расположен лагерь, не известно. Русской власти там фактически нет.

– В восемьдесят пятом году ещё имеются места, где отсутствует русская власть? – сощурился барон.

– Имеется, – серьёзно ответил Ильин. – Одно-единственное место, но имеется.

– Как так получилось, что наша администрация туда не дотягивается? – спросил Лыков.

– Попадёте туда – поймёте, – вздохнул капитан. – Это как затерянный мир, неприступный оазис в горах. Проход в общество богосцев – только через перевалы. Они непроходимы большую часть года для всадника. Только пешком, с минимальным грузом и лишь два месяца в году. В остальные десять месяцев, с августа по май, нельзя пробраться даже так. Если на перевале поставить пикет из пяти-шести человек, они смогут обороняться от полка...

– Такого не может быть. Абреки Малдая из Бахикли делают систематические вылазки, и не в течение двух месяцев, а круглый год. Значит, у них имеются для этого возможности. И перевалы вполне доступны.

– Вы отчасти правы, Алексей Николаевич, – вздохнул Ильин. – Полагаю, у Малдая где-то есть убежище по эту сторону хребта. И тайная тропа в ущелья. В убежище расположен походный лагерь абреков, из которого и делаются вылазки. Не станешь же каждый раз прятаться за Богосы! это очень трудно. Но в случае погони или другой серьёзной опасности вся шайка уходит за перевал. Агентура не смогла разнюхать про это место ничего. Недавно мой человек, сумевший внедриться в шайку, был разоблачён и убит. Нам придётся самим отыскать и тайную стоянку, и секретную тропу, поскольку по главной тропе нас не пустят.

– Как у вас вообще с агентурой? – спросил Таубе. – Много ли известно о Малдае и старике в жёлтой чалме? То, что я читал, довольно поверхностно.

– Настоящую агентуру нельзя завести без денег, а князь Чавчавадзе свёл смету моего отделения к минимуму.

– Сюда должен прибыть ротмистр Даур-Гирей из разведочного отделения штаба округа. Вы знакомы с ним?

– Так точно, неоднократно встречались по службе.

– Даур-Гирей привезёт шесть тысяч рублей на развитие агентуры. С этого года решением военного министра ассигнования на секретную деятельность Дагестанского областного управления увеличены на эту сумму. Причём начальник области не имеет права тратить их на что-либо иное по своему усмотрению. Распорядителем средств станете лично вы, как начальник отделения.

– Очень хорошо, – повеселел было Ильин, но тут же сдвинул рыжеватые брови. – А что, ротмистр тоже будет участвовать в предстоящей экспедиции?

– Будет, как представитель окружного начальства. А в чём дело, Андрей Анатольевич? Вас что-то не устраивает в Гирее?

Капитан вздёрнул голову:

– Во-первых, Виктор Рейнгольдович, я вижу в этом недоверие лично мне. Я восемь лет служу в Дагестане. Что, ротмистр из Тифлиса лучше меня изучил этот край?

– А во-вторых?

– Во-вторых... – Ильин было запнулся, но тут же мотнул головой и посмотрел Таубе прямо в глаза. – Во-вторых, я вообще не доверяю кавказским туземцам. Никогда и никаким. Считаю необходимым объявить это вам сейчас, до начала операции. Чтобы не было потом неясностей...

– Никогда и никаким... – задумчиво повторил барон. – И даже действующим офицерам? Которые давали, как и мы с вами, присягу? Ротмистр Даур-Гирей тоже много лет служит по секретно-разведывательной части, имеет заслуги и пользуется полным доверием начальства.

– Я считаю это ошибкой, – сердито ответил Ильин. – Серьёзной ошибкой! Вам хоть известна его история?

– Обычная для Кавказа история... В младенчестве он был усыновлён семейством русского офицера Шелеметева, будущего генерал-майора. Тот подобрал его в 1861 году на берегу моря, трёх или четырёх лет от роду. Там был сборный пункт для закубанских черкесов, готовящихся переехать в Турцию. Отряд русских войск выдавливал их тогда с гор на побережье. Шелеметев был в том отряде ротным командиром. Ну, и... подобрал брошенного младенца. Родители Даура погибли от тифа, осталась только тётка. И та умирала уже от голода... Её тоже взяли в отряд, она воспитывала потом мальчика. Даур-Гирей вырос в русской семье, окончил кадетский корпус, стал офицером и прекрасно служит. Дважды он... ну, это вам знать не положено. Уверяю вас, что это честный и смелый офицер, всегда верный присяге.

– Вы полагаете, господин подполковник, что абадзех когда-нибудь сможет простить русским ту «эвакуацию»? Вы хоть представляете, что там тогда творилось? Погибли сотни тысяч черкесов, женщины, старики, дети... Спаслись весьма немногие.

Тут Таубе смутился и озадаченно поглядел на Ильина:

– Вы полагаете?..

– Я это допускаю. Ни забыть, ни простить нам исхода черкесы не смогут никогда; разве, сделают вид. Полагаю, что и Даур-Гирей тоже делает вид. А сам ждёт, когда удобно будет нанести нам удар в спину. И в отдалённых ущельях богосцев, недоступных нашей военной силе, этому случится и время, и место.

Барон раздумывал минуту, потом отрицательно мотнул головой:

– Невовремя всё это. Идём во враждебные горы. А ваше подозрение к Гирею, Андрей Анатольевич, может очень навредить отношениям в отряде. Я прошу вас изменить своё чувство, или хотя бы не выказывать его явно. В маленькой группе людей, окружённых опасностью, когда требуются доверие и взаимовыручка... От этого может зависеть успех всего похода. Рассматривайте мою просьбу, как приказ!

– Слушаюсь, господин подполковник, – Ильин перешёл на официальный тон. – Изменить своё отношение я, извините, не могу. Весь мой опыт показывает, что оно верно... А вести себя корректно – безусловно буду. Повторю, я считал правильным сразу объявить вам о своих взглядах на этот предмет. Рад, что мы объяснились.

– Андрей Анатольевич, – Таубе пытался снова вернуть разговор в доверительное русло. – Откуда такая неприязнь к горцам? Что-то случилось?

– Я, кажется, догадываюсь, – ответил за капитана Лыков. – Скажите, тогда, в Кутаисе, в 57-м – это ваш отец был рядом с князем Гагариным?

Глаза капитана свернули, он молча кивнул и отвернулся.

Алексей пояснил барону:

– 20 октября 1857 года в Кутаисе старший из сванетских князей, Константин Дадешкильяни, заколол кинжалом генерал-губернатора князя Гагарина. Прямо в его кабинете, во время приёма. Генерал вызвал Дадешкильяни объявить

приказание кавказского наместника: удалиться из Сванетии в Тифлис. Так как их семейные раздоры будоражат страну и могут повлечь за собой восстание сванов. Владелец немедленно выхватил кинжал – и зарезал генерала. Который был, конечно, безоружен. Горячий человек буквально обезумел от злости... Секретарь и переводчик бросились на защиту своего начальника и тоже были убиты. Фамилия погибшего секретаря – Ильин.

Наступила пауза; все трое молчали и глядели в разные стороны. Наконец, капитан заговорил:

– Константин Дадешкильяни, владетельный князь Сванетии, по своему умственному развитию недалеко ушёл от животного. Что-то ему не понравилось, и он тут же достал кинжал и лишил жизни трёх человек! Задница вместо головы – настоящий туземец. А я из-за этого уroda никогда не видел своего отца. Поскольку родился через два месяца после его гибели. Мать осталась вдовой. Ну, как к ним после этого относиться?

– Но не все же они такие! – возмутился барон. – Люди всякие бывают; и среди нас, якобы цивилизованных, тоже полно нравственных уродов. Как вы, служа на Кавказе, можете так огульно относиться к его коренным народам? Это же чувствуется, это для них оскорбительно. Вам нужно сменить место службы.

– Сие не вам решать, господин подполковник, – отрезал Ильин. – Вы только временный мой начальник. Его превосходительство князь Чавчавадзе моей службой доволен. А он сам грузин.

– Что сделали с владельцем за такое? – спросил Таубе у Лыкова.

– Дадешкильяни переранил в приёмной ещё несколько человек, вырвался на улицу и побежал. За ним погнались. Тогда князь забаррикадировался в первом попавшемся доме и держал там оборону. Взломали двери... По приговору военного суда расстреляли.

– Он не мог сам идти на казнь от страха, – злорадно сообщил капитан. – Солдатам пришлось нести князя к позорному столбу на ковре. Животное. Сначала зарезал – потом подумал. И такой идиот у них – владетельный князь!

– Хорошо, я понял, – кивнул Таубе. – Состав отряда утверждён военным министерством, и я не могу его менять. Но если окажется, что ваша личная распря мешает делу – будете немедленно отчислены. Со всеми последствиями. Вам понятно?

– Так точно, господин подполковник.

– Вот и договорились. А теперь давайте уйдём отсюда; мы привлекаем к себе излишнее внимание.

– Можно разместиться на моей квартире. Это недалеко отсюда, на Верхнем бульваре.

– Нет, вернёмся в гостиницу. Мы остановились на постоялом дворе Рустамбекова. Я жду с часа на час прибытия туда Даур-Гирея.

Уже втроём они возвратились обратно в гостиницу, стоящую в самом конце Аргутинской. Парадность здесь уже отсутствовала. Деревянные дома сменились саманными, а кое-где даже и турлучными[16 - Саманные – выложенные из земляного, смешанного с соломой и высушенного на солнце кирпича. Турлучные – дома, в которых стены сделаны из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной, смешанной с коровьим навозом.]. Неподалёку виднелась обширная туземная слобода с собственной мечетью. Толпа вокруг сделалась ещё живописнее, чем на Соборной площади. Офицеры и чиновники в фуражках совсем исчезли, зато появилось много грязно одетого люда всех национальностей. Помимо обычных семитов с пейсами обнаружили таты – горские евреи, выглядевшие совершенными туземцами. Мелькали полупьяные терские казаки, скрывавшиеся, при виде начальства, в подворотни. Среди магометан попадалось всё больше откровенно разбойничьих физиономий – того и гляди, сунут в спину «базалай»[17 - Базалай – кинжал, названный так по имени знаменитого оружейного мастера.].

– Зайдём внутрь, – скомандовал барон.

– Почему вы остановились в этой дыре? – поинтересовался Ильин. – В городе имеются приличные гостиницы, целых две.

– Думали, на окраине будем не так заметны, но, кажется, сделали только хуже, – пояснил Таубе, взбираясь по скрипучей лестнице на второй этаж.

– Место здесь невидное, и даже небезопасное – рядом горская слободка, почти аул. Появление офицера в ваших чинах не может остаться незамеченным! А в казарме Апшеронского полка имеются свободные комнаты, небольшие, но чистые. Главное же – в форштадте[18 - Форштадт – часть города, в которой расположен гарнизон.]. Если желаете, я завтра же решу этот вопрос с начальником области.

– Да, Андрей Анатольевич, распорядитесь, пожалуйста. Вы правы насчёт этой дыры. Вот что такое не знать местных особенностей... Так уж и быть, одну ночь переночуем тут, а завтра – в казарму. Ну, вот и наша дверь. Прощайте до завтра. Как переедем – сразу совещание.

Вдруг за их спинами послышалось покашливание. Лыков обернулся. Хозяин гостиницы, одноглазый даргинец, вежливо поклонился ему:

– Ызвыны, дарагой, тэба просят выйты ва двор. И вынести, што привёз.

– Скажи, сейчас спущусь, – кивнул Алексей. Шагнул в комнату, вынул из чемодана банку с сердцем Кунта-Хаджи и пошёл с ней на улицу. Заинтригованные офицеры спустились следом.

Посреди обширного двора стоял высокий старик с выразительным жёстким лицом, весь обвешанный дорогим оружием. На голове у него была странная войлочная шапочка с нашитой розой зелёного цвета, с тремя рядами лепестков. За спиной старика, подобно изваяниям, вытянулись четыре рослых джигита угрожающей наружности, тоже в шапочках с розами; пятый держал коней в поводу.

Лыков подошёл к старику, держа банку в вытянутых руках.

– Здравствуйте.

Старец молча кивнул, не спуская глаз с сосуда.

Алексей размотал кошму, потом, неожиданно сам для себя, поднял банку на уровень лица и почтительно прикоснулся к ней лбом. Среди горцев слышался сдержанный одобрительный говор. Коллежский асессор протянул свою ношу старику. То, что произошло далее, удивило его. Аксакал пал на колени, благочестиво повторил жест Лыкова и передал банку с реликвией за спину. Все четыре джигита по очереди сделали то же самое; последним прильнул головой к банке коновод. Всё это происходило в полной тишине. Лыков оглянулся: Рустамбеков стоял на коленях посреди лужи и беззвучно молился. Офицеры молча наблюдали происходящее: Таубе с любопытством, а Ильин с недоумением и настороженностью.

Наконец банку со всеми предосторожностями поместили в сакву[19 - Саква - вьючная сумка.]. Старику подвели необыкновенно красивого гнедого кабардинца. Тот ловко, словно юноша, вскочил в седло, спросил:

– Ты Лыков?

– Да.

Несколько секунд всадник молча смотрел на Алексея, словно пытаясь его запомнить, потом сказал:

– Аллах да вознаградит тебя за благой поступок.

Коллежский асессор почтительно склонил голову. Старик гикнул, и в одну секунду весь отряд вылетел со двора на улицу и помчался в сторону гор.

Хозяин гостиницы вскочил, отряхнул колени и юркнул обратно в дом.

– Что это было? – ошарашено спросил Ильин. – Что у вас общего с Сухраб-беком?

– Я передал ему сердце Кунта-Хаджи, которое хранилось в Петербурге.

– Сердце шейха Кунты? Вы вручили его нынешнему вождю братства Кадири. Зачем, по чьему указанию?

– По указанию начальства, – лаконично ответил Лыков.

Капитан ещё постоял, озадаченно глядя на собеседника, потом вдруг ухмыльнулся и сказал одобрительно:

– Очень умно.

– В каком смысле?

– В таком, что вы, возможно, получили важного покровителя. Что очень кстати путешествующему в дагестанских горах. Сухраб-бек много влиятельнее, к примеру, генерала Чавчавадзе. Тот как начальник Дагестанской области имеет права генерал-губернатора. И, следовательно, может повесить любого в области своей властью, даже нас с вами, ежели провинимся. А шейх Сухраб способен сделать то же самое во всём Северном Кавказе!

– А поймать Малдая из Бахикли он также способен?

– Конечно. При необходимости. Но зачем это Сухраб-беку? Он теневой правитель Чечни и Дагестана. Вражда между властью и коренным населением ему на руку; он не станет помогать нам ловить абреков. Чем хуже русская администрация исполняет свои обязанности, тем выше репутация шейха.

– А шпионство?

– Вы имеете в виду старика в жёлтой чалме? Нет, это третья сила. Сухраб-бек, как вождь кадирийского тариката, очень, конечно, интересен для турецкой разведки. Османы были бы не прочь заполучить его в союзники или прямые агенты. Но продаваться бек не станет. После того, как турки в последнюю войну не поддержали вспыхнувшее восстание, их авторитет в горах очень упал. Люди поверили их обещаниям, взялись за оружие – и погибли, не дождавшись обещанной помощи. Нет, шпионство Сухраб-беку ни к чему. Но и мешать туркам он не будет. Из тех же соображений, что чем хуже, тем лучше. Он сидит и накапливает силы.

– Для чего?

– Для того, чтобы в один прекрасный момент взять власть в свои руки.

- Иметь власть на Кавказе и дорого, и опасно. Зачем она беку?
- А зачем вообще нужна власть? Он готовится сменить русскую администрацию.
- Но это же утопия!
- Сейчас да, а завтра? А послезавтра? Кавказ кишит виртами суфистских братств. Кадирия, Накшбандия-Хватжаган, Чиштия, Малмавия, Халватия... Кадирийский тарикат сейчас самый могущественный. Случись в России война, а лучше революция, и может произойти всё, что угодно. Кавказ – огромная пороховая бочка. А Польша?
- Получается, что Сухраб-бек для нас опаснее, чем все аббеки и турецкие шпионы?
- Значительно опаснее! А вы ему сердца вождей привозите...
- Что-то я, Андрей Анатольевич, не читал в ваших рапортах, направляемых в Военное министерство, подобных выводов, – сказал Таубе. – А я всегда внимательно их изучаю. Молчите вы там про опасность кадирийского тариката.

Капитан горько усмехнулся:

- А их пред этим князь Чавчавадзе ещё более внимательно редактирует. Не любит он беспокоить столичное начальство.

Барон долго молчал, хмурился, потом сказал:

- Договоримся так. У нас есть приказ министерства: разгромить шайку Малдая из Бахикли, и состоящую при ней турецкую резидентуру. Этот приказ и будем выполнять. По завершении операции вы пишете обстоятельный доклад о братстве Кадирия, в котором описываете все исходящие от него опасности. Передаёте его мне, а я сообщаю ваш доклад генерал-адъютанту Обручеву.
- Без ведома Николая Зурабовича?[20 - Начальника Дагестанской области генерала Чавчавадзе.]

– Без. Вы адресуете бумагу в секретное делопроизводство Азиатского департамента Военного министерства. Эти доклады Чавчавдзе ведь не читает и не визирует?

– Так точно.

– Значит, субординацию вы не нарушаете. Ну, передали доклад с оказией, через подполковника Таубе, паче он здесь оказался... А уж я приделаю в министерстве к вашей бумаге крепкие ноги.

Ильин повеселел:

– Это другой разговор, Виктор Рейнгольдович. А то... до Бога высоко... Все мои сигналы до сих пор оставались без ответа. Материал собран; за три-четыре дня напишу. Надо только вернуться благополучно.

– Это я вам обещаю. Мы с Алексеем Николаевичем такие люди, что всегда отовсюду возвращаемся. Так что, до завтра. Не забудьте – вы обещали перевезти нас в казарму. Честь имею!

Глава 6

Даур-Гирей

Ильин, откозыряв, ушёл, а Таубе сел за стол и принялся что-то писать. Когда Лыков попробовал заглянуть ему через плечо, барон цыкнул:

– Не мешай! Лучше открой дверь ипусти человека.

– Какого ещё человека?

– Ротмистра Даур-Гирея. Он там уже давно стоит.

Из коридора раздался смех, дверь отлетела от лёгкого толчка и вошёл молодой горец. Высокий, широкоплечий, с весёлыми карими глазами, обросший короткой чёрной бородой, он как-то сразу располагал к себе.

– Учужали-таки меня, господин подполковник!

– Я вас ещё на Соборной площади учужал. Знакомьтесь – это мой товарищ Алексей Николаевич Лыков. Коллежский ассессор, прикомандирован к экспедиции от МВД.

– Очень рад. Иса Бечирович Даур-Гирей.

Ротмистр разговаривал на чистейшем русском языке и вёл себя совершенно по-светски. Видимо, он представлял собой тип человека смешанной культуры, столь нередкий теперь на Кавказе.

– Иса – это ведь магометанское наименование Иисуса? – спросил Алексей, улыбаясь. Мгновенно тень пробежала по открытому лицу абаздеха.

– Именно за это имя капитан Шелеметев и взял к себе черкесского ребёнка, – мягко сказал из угла Таубе. – Не сумел пройти мимо. Другим сиротам в устье Туабзе повезло меньше. Для Даур-Гирея это болезненная тема; не будем касаться её без необходимости.

– Тот самый Шелеметев, который погиб в последний день турецкой войны? – тихо уточнил Лыков.

– Да, – ответил ротмистр. – В чине генерал-майора он воевал в Кобулетском отряде и был убит при штурме Цихидзирской позиции.

– Я помню его по отряду. Достойный был человек. Сам я выбыл из строя раньше, ещё на Столовой горе.

– 17 января 1878 года было заключено перемирие, но телеграмма об этом дошла до Кобулетского отряда с запозданием на сутки, – пояснил Даур-Гирей барону. – Это у вас на Балканах была относительно устойчивая связь, а здесь часто обходились по старинке, курьерами. И за указанные сутки отряд успел предпринять штурм сильной турецкой позиции под Цихидзири, уже совершенно

бессмысленный. Погибли полторы тысячи человек, в том числе и мой приёмный отец. А позицию так и не взяли...

Все надолго замолчали, потом Таубе взялся за фуражку.

– Пойдёмте ужинать. Заодно обсудим предстоящий поход. Нужно выдвинуться в горы как можно скорее.

Они пошли в шашлычную Ильасова, рекомендованную им правителем канцелярии, где не спеша и сытно поели. Хозяин был чеченец, и кухня у него оказалась действительно приличная. Троица обнаружила отменный аппетит. Под горячую руку было истреблено большое блюдо корта-когиша и несколько дюжин чепалгашей[21 - Корта-когиш – баранья голова с галушками и чесночной приправой. Чепалгаши – лепёшки с различными начинками (чечен.).]. Петербуржцы запили еду бутылкой кахетинского; Иса довольствовался водой.

– Вы сохранили свою веру? – тактично поинтересовался Лыков. – Не считите за пустое любопытство; вместе в горы идём...

– Я понимаю. Да, моя приёмная семья не настаивала на смене религии. Меня выбрали вместе с тёткой; больше из Даур-Гиреев никто не уцелел. Тётушка Марьям сделалась моей как-бы нянькой, и ревниво наблюдала за правильным соблюдением всех обрядов. Потом, в Тифлисском кадетском корпусе, нас таких было много. Русское правительство веротерпимо.

– Когда вы прибыли, Иса Бечирович? – переменял разговор Таубе.

– Я в Шуре уже два дня. Обхожу агентуру. Наблюдал, кстати, вашу встречу с шейхом Сухраб-беком. Редкая удача – он почти не появляется на людях. Что это вы ему вручили столь торжественно?

– Алексей Николаевич передал беку заспиртованное сердце Кунта-Хаджи, которое все эти годы хранилось в Петербурге.

– Сердце Кунты? – ротмистр, как и капитан Ильин за час до него, опешил и надолго задумался. – А что... Давно пора. Петербургу всё равно, а нам здесь это может помочь.

– Как вы оцениваете братство Кадирия? – повернулся Лыков к абаздеху. – Нас им только что запугивали. Андрей Анатольевич говорил, что это теневая власть, враждебная русской администрации. И что она ждёт каких-нибудь потрясений, чтобы отделить Кавказ от империи и стать властью официальной.

– Капитан Ильин часто излишне категоричен. До нетерпимости... Нужно сначала разобраться в идеологии кадиризма. И в личности Кунта-Хаджи. Человек это был выдающийся, даже великий. Он чеченец, сын простого пастуха. Родился в ауле Исти-су на рубеже веков; точная дата неизвестна. Ребёнком переехал в Илсхан-юрт, где стал изучать Коран. В 12 лет гениальный мальчик уже стал кари – человеком, знающим священную книгу наизусть! В 18 совершил свой первый хадж. Именно тогда по пути в Мекку Кунта задержался в Багдаде и сошёлся там с суфистским братством Кадирия, одним из самых старых и могущественных в исламе. Могила Аль-Кадири в Багдаде очень почитаема. Молодой чеченец оказался выдающимся толкователем тариката как способа мистического познания, пути к совершенствованию...

– Но ведь тарикат – это братство? – перебил Даур-Гирея Лыков.

– Дословно тарикат переводится с арабского, как дорога, путь. В переносном смысле – путь к совершенствованию. И третий смысл этого слова – братство, а именно суфистское братство. Первые тарикаты появились в 12-м веке. Некоторые теологи насчитывают двенадцать материнских братств, другие добавляют ещё четыре. Кунта выбрал братство Кадирия и сделался по возвращении на Кавказ его эмиссаром в Чечне и Дагестане. Он выступал против войны с Россией и за сотрудничество с русской администрацией. Учил, что война с заведомо более сильным противником не угодна Аллаху. Ещё шейх[22 - Слово «шейх» имеет много значений. В данном случае – глава суфийского братства (тариката).] заявил, что настоящий мусульманин не участвует в разбойничьих набегах... Представляете? По сути, отмена призыва фанатиков к джихаду! Для Шамиля это был более опасный удар, нежели очередная экспедиция царских войск.

– И что имам?

– Имам Шамиль был страшный человек. По его приказу в горах казнили тысячи людей; чужая жизнь для него ничего не стоила. Но даже Амир аль-муминин[23 - Амир аль-муминин – Повелитель правоверных – один из титулов Шамиля.] не решился убить шейха Илсхан-Юрта, а лишь повелел ему в 1858 году отправиться

в новый хадж. То есть, выслал с Кавказа.

Второе возвращение Кунта-Хаджи на родину состоялось спустя три года. Шамиль уже содержался под охраной в Калуге. В горах было неспокойно. Князь Барятинский доложил государю, что с восстанием покончено, но это было не так. Крупные мятежи то и дело вспыхивали в тех местах, которые были объявлены замиренными. Горцы искали себе нового вождя взамен утраченного, и им стал Кунта. Он поселился в пещере, совершенным отшельником. И принялся создавать тайную организацию – северокавказский вирт, то есть, отделение, кадирийского тариката. Идеологией избрал пассивное сопротивление режиму. Шейх являлся выдающимся деятелем и быстро сумел добиться своего. Была создана тайная, всепроникающая структура наподобие коморры или масонской ложи. Она охватила все чеченские тейпы без исключения, и большинство дагестанских горских обществ. В каждом ауле имелся представитель Кадирия. Низовые учреждения русской администрации – все сельские и многие уездные – беспрекословно выполняли приказания шейха. Он завёл свою секретную почту, свои суды, боевые отряды, тайную казну, богословские школы... Очень многие влиятельные люди примкнули к братству. Самый известный – знаменитый абрек Варга, легендарная личность. Русская власть наконец обеспокоилась таким явлением. 3 января 1864 года Кунта-Хаджи был схвачен вместе со своим братом Мовсаром в Шалинском районе Аргунского округа и под сильным конвоем отправлен в Россию. Его сослали в село Устюжано Новгородской губернии, где он 19 мая 1867 года и скончался. После его ареста состоялась печально известная протестная осада крепости Шали. Сторонники шейха решили, что он в крепости, и собрались в большом количестве к её стенам. Они были вооружены только кинжалами. Когда огромная толпа стала громко исполнять зикр[24 - Зикр – ритуальное упоминание имени Аллаха в форме речитатива. Во время Кавказской войны зикр был предвестником нападения горцев на русские войска, что и заставило гарнизон Шали открыть, как они думали, предупредительный огонь.], у гарнизона крепости не выдержали нервы. Солдаты решили, что горцы сейчас пойдут на штурм, и открыли огонь по фактически безоружным людям. Состоялся так называемый «Кинжальный бой». Люди в ответ на выстрелы выхватили кинжалы и бросились на солдат... Погибло четыреста человек, более тысячи было ранено. А тело шейха после его смерти исчезло бесследно, как и вся переписка. Он тайно перезахоронен где-то в горах, и его могила сделалась священным местом, зияратом.

– Что сейчас представляет собой братство Кадирия?

– Этого, Алексей Николаевич, никто достоверно не знает. Организация очень засекреченная. Даже имя Кунта-Хаджи в горах не называют, это запрещено. Когда его надо упомянуть, говорят – «сын Киши» или «шейх Илсхан-Юрта». Его преемники, видимо, сильно развили дело учителя. Капитан Ильин прав: братство Кадирия относится к российской власти враждебно. Поскольку видит такое же отношение к себе со стороны русской администрации на Кавказе.

– Вы полагаете, правительство должно изменить подходы? – быстро спросил Таубе. – Это возможно без ущерба для авторитета власти? И будет полезно?

– Двадцать лет назад была допущена ошибка. Давно пора её исправить. Напомню, что Кунта-Хаджи с самого начала был за мирное сотрудничество с Россией, и даже подвергался за это гонениям от Шамиля. И умер в русской ссылке... Зачем мы его оттолкнули? Чиновники управляют таким сложным краем, как Кавказ, не утруждая себя изучением его обычаев и уложений. Им некогда разобраться в теологических тонкостях различных исламских течений. Спроси любого губернатора, в чём различия между суннитами и шиитами – не ответит! А уж перечислить все 12 суфистских тарикатов и, тем более, назвать их особенности – такое не под силу никому из всей кавказской администрации. Разве что, где-нибудь в МИДе отыщется книжный червь, способный ответить на такой вопрос. А эти некомпетентные люди казнят и милуют. Управляют, не имея понятия о предмете своего управления. В результате, вместо того, чтобы бороться с братством Накшбандия, которое всегда было враждебно России, мы преследуем Кадирия. Сказать, почему? Вы не поверите. Из-за манеры зикра.

– Но ведь зикр – это лишь ритуальное упоминание Аллаха. Какая разница, как это делать?

– Зикр совершается по особой формуле, особым образом и сопровождается определёнными телодвижениями. Что-то вроде молитвы-речитатива, хотя в строгом смысле это не молитва. Суфии за сотни лет превратили зикр в сложный ритуал, от которого человек впадает в религиозный экстаз. Подобное есть, кстати, у ваших хлыстов, и называется «радения». Так вот, в тарикате Кадирия зикр исполняется громко. И этим напоминает русским генералам речитатив мюридов Шамиля. Те всегда перед тем, как напасть, затягивали «Ла-ильлахаиль-алла!». Шамиля давно уже нет, а страх перед его боевым кличем у генералов остался. Тарикат Накшбандия-Хваджаган – самый опасный на Кавказе, самый враждебный нам. В 1877 году их шейх Абдуррахман Согратльский поднял против нас весь Дагестан. Но тарикат исповедует так называемый тихий зикр. И

благодаря этой несущественной детали гораздо менее преследуется правительством!

– Не может быть! – возразил Таубе. – Из-за того лишь, что верующие громко поминают имя Аллаха, их записали в противники режима? Наверняка имеются другие причины, более важные.

– Клянусь вам, господин подполковник, что главная причина в этом. Теологические отличия одного братства от другого русским чиновникам недоступны. Начальник области или округа способен сосредоточиться только на внешней форме. И, по дремучести своей, так и делит магометан на более опасных, и менее... И братство Кадирия, изначально дружелюбно настроенное к власти, теперь, в результате репрессий, стало нам противником. Но, если изменить тон, попробовать договориться, то тарикат из противника может стать нашим союзником. И в этом смысле то, что сделал сегодня Алексей Николаевич, может оказаться первым шагом к улучшению отношений. А может и не стать.

– Хорошо. Мы вернёмся к этому разговору, когда возвратимся из похода. А пока скажите, какие у вас отношения с капитаном Ильиным?

– Служебные.

– Как они складываются? Только, пожалуйста, честно, Иса Бечирович.

– Если честно, то я считаю, что капитан Ильин не на месте. Он не только не пытается скрывать свою неприязнь ко всем горцам, но чуть ли не рисуетя ею. Как можно при этом успешно исполнять свои обязанности? Люди всё замечают, платят той же монетой. Страдает дело. Агентура капитана ненавидит и обманывает. Если не секрет, что он сказал про меня? Что я потенциальный изменник? Поскольку не смогу простить русским смерть родителей...

– Я вас прошу, Иса Бечирович, потерпеть недостатки капитана на время похода. Мы его уже не переделаем, а состав отряда утверждён и изменению не подлежит. Если честно, я тоже считаю, что Андрею Анатольевичу лучше уехать с Кавказа. Пусть борется с противниками России, например, на западной границе. Я доложу своё мнение начальству, когда вернусь в Петербург. Но сейчас, ввиду предстоящей опасной экспедиции, никаких распрей в отряде не потерплю.

– Обещаю, Виктор Рейнгольдович, что буду абсолютно корректен.

– Договорились. У вас есть ещё дела на сегодня?

– Так точно. Из агентства мне осталось встретиться с Хаджи-мук-Азизом. Это известный улем[25 - Хаджи-мук – сын хаджи – почётный титул. Улем – учёный.], живёт в десяти верстах от города. Вернусь уже поздно ночью.

– Тогда увидимся завтра в одиннадцать часов пополудни на совещании в кабинете Ильина. Честь имею!

Ротмистр ушёл, а Таубе принялся быстро дописывать какой-то текст и тут же его шифровал. Потом друзья расплатились за ужин и вышли на улицу. Уже смеркалось.

– У тебя открытый лист с собой?

– Конечно.

– Мне нужно сейчас же попасть на полицейский телеграф.

– А военный не подойдёт?

– Нет, только полицейский.

– Тогда пошли.

Управление полиции Темир-Хан-Шуры находилось на площади возле второго городского памятника, посвящённого взятию Гуниба. На полуторасаженный постамент была воздвигнута, дулом вверх и в окружении ядер, горная пушка. Полюбовавшись мельком на памятник, сыщик и разведчик ввалились в управление. Алексей предъявил дежурному чиновнику свой открытый лист, подписанный товарищем министра внутренних дел Оржевским. Бумага обязывала всех служащих по МВД оказывать коллежскому асессору Лыкову полное содействие. Чиновник немедленно отвёл ночных гостей на телеграф, с которого барон отправил в Главный штаб сообщение. Ещё час пришлось ждать ответа. Наконец, телеграмма из Петербурга пришла. Таубе расшифровал её,

нахмурился и тут же сжёг на свече.

– Ну, Алексей, идём теперь спать. Завтра уйма дел.

Глава 7

Дело Лемтюжникова

В восемь часов поутру, когда Таубе и Лыков пили в буфете гостиницы чай с хинкали, за ними приехала коляска. Молчаливый солдат-татарин быстро загрузил вещи, и уже через полчаса петербуржцы заселились в офицерском флигеле форштадта. Маленькая опрятная комната выходила единственным окном на двор казармы. В Темир-Хан-Шуре квартировали два батальона знаменитого 81-го пехотного Апшеронского полка. Дисциплина в батальонах была поставлена: двор и строения чистые, стрелки ловкие и молодцеватые. Бросались в глаза красные отвороты на голенищах солдатских сапог. Это было отличие, пожалованное полку в память знаменитого Кунерсдорфского сражения 1759 года, а котором апшеронцы особенно отличились. Среди нижних чинов попались несколько с крестами и медалями. Никто не шлся без дела, всё крутилось, как часы, тихо и споро. Барон смотрел вокруг и радовался, как всякий порядочный строевик при виде правильно организованной службы.

Разложив багаж, Лыков с Таубе отправились на поиски старшего начальника. Им оказался моложавый полковник Пистолькорс, обнаруженный в канцелярии за бумагами. Увидев на сабле барона Георгиевский темляк, полковник вынул из-под висевшей шинели свою, отмеченную таким же знаком. Офицера молча крепко пожали друг другу руки... Все вопросы размещения были немедленно решены, и гости отправились на квартиру Пистолькорса завтракать. Сытно и вкусно закусили в обществе жены и матушки полковника. Вокруг стола, производя невероятный и нескончаемый шум, носились три погодка-карапуза. Папаша снисходительно на них покрикивал, видимо гордясь столь бойким потомством. Алексей и умилился, и загрустил одновременно. Как там его двойняшки?

Ровно в одиннадцать Лыков с Таубе вошли в обширный кабинет капитана Ильина. Зарешёченное окно, обитая железом дверь, несгораемый шкаф, карта Дагестана на стене. Всё, что полагается в секретном отделении... Ильин опёрся

о конторку и что-то торопливо писал. Даур-Гирей, свежий и подтянутый, словно и не скакал всю ночь по горам, стоял около и диктовал ему вполголоса. В углу, с сигарой в зубах, развалился незнакомец в казачьей форме. Завидев вошедших, он медленно, с достоинством поднялся, отложил сигару и сделал шаг вперёд:

– Позвольте представиться: Первого Сунженско-Владикавказского полка войсковой старшина Артилевский Эспер Кириллович. Помощник начальника Гунибского округа.

Рослый, несколько обрюзгший, с явно чёрными усами и шевелюрой, Артилевский был старше всех по возрасту. Уже за сорок, хотя войсковой старшина старался молодиться. Глаза навывкате, взгляд неприятный, холодный и как-будто обиженный. Под коричневой черкеской со щегольскими серебряными газырями красовался светло-голубой бешмет неуставного гвардейского сукна. Настоящие «гурда» и «базалай», висевшие на поясе, тоже обильно были обложены серебром. На эфесе шашки алел аннинский темляк, шею украшала Анна второй степени с мечами. Вид у штаб-офицера получался задорный и немного развязный.

– Шайка Малдая, по имеющимся сведениям, укрывается где-то здесь, на западном склоне Богосского хребта, – пояснил Ильин, тыкая указкой в карту. – Административно это относится к Гунибскому округу. Его превосходительство приказал усилить отряд опытным офицером из окружного управления.

– Очень мудрое решение, – согласился барон. – Столь бывалый человек, знакомый с местностью, весьма нас подкрепит. Надеюсь, ваше высокоблагородие с пониманием отнесётся к тому, что командовать отрядом поручено младшему по старшинству.[26 - Таубе и Артилевский имеют одно звание. В армии императорской России в таких случаях старшим считался тот офицер, который раньше был произведён в равный чин. Таковым по возрасту явно был Артилевский, но старшим по должности, в обход правил, оказался Таубе, который пытается смягчить обиду войскового старшины.]

– Ерунда. Для меня всегда на первом месте дело, а не... – важно ответил Артилевский. – Хотя с моим опытом могли бы...

– Господин войсковой старшина, поди, всю жизнь на Кавказе? – подыграл Лыков.

– Уж двадцать лет, начиная с юнкеров.

– Очень сложный округ, Эспер Кириллович?

– Эх, барон! Сложнее его нет во всём Дагестане! Населения всего сорок тысяч, но зато каков винегрет! Основные аварцы, шамилевы земляки. Эти всегда будут нас ненавидеть! Хунзахцы тоже хороши... А на юге авахцы и капучинцы практически не имеют над собой русской власти. Это край ледников. Зима чуть не круглый год, сообщение почти невозможно. Наиболее труднодоступное место, почитай, на всём Кавказе.

– Рельеф тяжёлый?

– Рельеф, барон, во всём округе хуже некуда, а в Дидо и Капуче просто нет слов... Аварская возвышенность постепенно подымается к югу, пока не переходит в Главный Кавказский хребет. За аулом Кидеро – вот он на карте – всякая цивилизация заканчивается. Высота гор здесь – свыше двенадцати тысяч футов! Трудно дышать, невозможно смотреть без синих очков. Станете собираться, господа – не забудьте их прихватить, иначе останетесь без зрения! Горцы налепляют себе на веки порох, как кокетки тушь, чтобы хоть так уберечься от слепящего снега. Богосский хребет занимает огромную территорию. Жизнь там настолько скудная, а попасть в эти места настолько трудно, что даже Шамиль не стал связываться с богосцами. Там никогда не было никакой власти, кроме ихнего самоуправления!

– Понятно. Благодарю за разъяснения, Эспер Кириллович; будьте и впредь, пожалуйста, нашим проводником.

Артилевский снисходительно кивнул и вытащил новую сигару. Дорогая забава, подумал про себя Лыков; откуда у простого казачьего штаб-офицера такие привычки? И такие деньги?

– Господа, – продолжил Таубе, – заслушайте сообщение. Я расскажу вам о тех людях, на которых мы будем охотиться. Дичь редкостная. Большая часть оглашённых сведений является служебной тайной, поэтому записи вести запрещается.

Офицеры и Лыков расселись и навестили уши.

– Начнём с Малдая. Впервые он отметился в русских сводках ещё в 1861 году. Тогда он возглавил, совместно с известным Каракуль-Магомой, восстание в союзе сельских общин Ункратль. Бунтовщики перебили старшин, назначенных русской властью, в селениях Ботлих и Тинди. Восстание не без труда было подавлено. Сто сорок три зачинщика, в том числе и Малдай, были высланы с Кавказа во внутренние губернии. Наш герой угодил в Тулу. Через четыре года он вернулся, и власти забыли о нём.

Вторично Малдай из Бахикли возник в мае 1877 года. Восстали разом все горные селения Гумбета. Мы быстро подавили эту первую вспышку, но зараза успела перекинуться сначала в соседнюю Салаватию, а затем в Дидо, только что упомянутое господином Артилевским. Центром восстания стал аул Кеметль, расположенный на горном кряже. Войска осадили аул и штурмовали его два дня. Такой упорной обороны армия не помнила со времён Шамиля: мужчинам помогали женщины и дети... Когда всё было кончено, среди пленных оказался и Малдай, раненый в руку. На этот раз местом его ссылки была выбрана Оренбургская губерния. В мае 1883, по случаю коронации, участникам того восстания была объявлена амнистия. Малдай из Бахикли вернулся в Аварию. И уже через несколько месяцев сделался предводителем самой крупной в Дагестане шайки абреков. Андрей Анатольевич, сколько он уже хищничает в горах? И чем особенным отличился?

– Имя Малдая как абрека впервые нашумело полтора года назад. Тогда в Согратле был задушен и обобран отставной штабс-капитан Хорьков. С тех пор каждый месяц что-нибудь случается. В марте ограбили почтовую карету, перевозившую содержание Куринского пехотного полка. Убиты четыре человека, похищено 22 000 рублей. В апреле зарезаны ботлихский исправник и вестовой.

– Попытки уловить были?

– Были, но не дали успеха. Позволю напомнить, что весь Дагестан принял участие в восстании 1877-78 годов. У них круговая порука. Малдай, согласно понятиям населения, герой: воевал за свободу, получил ранение, был в ссылках. И убивает гяуров. В условиях, когда вся округа помогает злодеям, их очень трудно поймать.

– А агентура?

– Вы знаете: мне удалось внедрить своего человека в горное общество Анкратль. Это было очень трудно! Агент успел прислать два сообщения, в которых описал Малдая и старика в жёлтой чалме. Он даже сумел поговорить с самим Малдаем. Но, видимо, чем-то себя выдал.

– Мне прислали его голову в мешке, – процедил сквозь зубы Артилевский. – Неаппетитное зрелище...

– То есть, местоположение шайки нам не известно?

– Не известно, – вздохнул капитан. – Карт местности не существует. Лагерь может располагаться где угодно. Между верховий Аварского и Андийского Койсу тьма укромных мест, куда не попасть посторонним.

– Понятно, – подытожил Таубе. – Будем искать иголку в стоге сена. Что ж, мне не впервой; вы все тоже люди опытные. Переходим ко второму персонажу нашей пьесы. Старику в жёлтой чалме. До нас давно уже доходили отрывочные сведения, что в горах скрывается турецкий резидент. Точное его местоположение оставалось тайной. Ваш источник, Андрей Анатольевич, эту тайну вскрыл: старик обнаружился в лагере абрека. Представляете, господа, что это должна быть за личность, ежели ему подчиняется сам Малдай из Бахикли? Тёртый, битый, да ещё аварец! И принимает команды от русского... Но это такой старец, что дальше некуда. Слушайте его историю.

Настоящее имя старика – Зиновий Калинович Лемтюжников. Происхождением из гребенских казаков. Старого хорошего рода, с заслугами, с уважаемыми рубками... Но природа дала сбой. Волком родился – овцой не бывать! В январе 1839 года, чуть не полвека назад, Зиновий в чине хорунжего попал в отряд генерала Галафеева. Время было для нас тяжёлое. Шамиль укрепился в горах, наладил производство оружия и пороха, создал регулярную армию. Знаменитый крымский мастер Хаджи-Мустафа, специально приехавший к имаму, изготавливал для него так называемые «крымские» винтовки. Джабраил Унцукульский, обучившийся в Аравии производству пушек, начал успешно отливать их в горных аулах. Единственное, что ещё отсутствовало у Шамиля – это конгриевы ракеты. Войска Кавказского корпуса применяли их очень успешно. Мюриды не выдерживали залпа ракет – они бросали позицию и в панике разбегались. Зажигательные снаряды выкуривали противника из лесов лучше любой картечи. Шамиль объявил большую награду тем, кто доставит ему станок. Это сделал – хорунжий Лемтюжников. Он был в отряде Галафеева

командиром ракетной полубатарей, и сдал её горцам. Намеренно отстал на марше, отпустив предварительно пехотное прикрытие. Шамиль не только получил два станка конструкции Засядко с запасом шестифунтовых ракет – он получил изменника-ракетчика. Зиновий наладил имаму производство и станков, и зарядов, а главное – избавил мирюдов от ракетной боязни.

Весной того же года генерал Граббе ценой больших усилий осадил столицу Шамиля аул Ахульго. Селение находилось на двух соседствующих утёсах, разделённых узким ущельем. По дну его, на глубине пятидесяти саженей, протекала речка Ашильта. Войскам предстояло сначала взять первый утёс с Новым Ахульго, затем перейти по узким мосткам в Старый; оба утёса были сильно укреплены. 16 июля Граббе скомандовал штурм. Пока две колонны атаковали утёсы, третья выдвинулась по дну ущелья с задачей обойти аул с тыла. Шесть рот Апшеронского полка вошли в узкую расщелину и были тут же остановлены градом камней, сбрасываемых сверху защитниками обоих утёсов. Кроме того, поперёк Ашилты обнаружился не замеченный ранее завал, обороняемый мюридами. Даже храбрые апшеронцы не смогли в таких условиях выполнить приказ... В течение двух часов они стояли под навесами скал, не смея двинуться с места. Каждый, кто выходил на середину ущелья, немедленно погибал под камнями. Ни барабаны, ни команды офицеров не помогали – солдаты отказывались идти вперёд. Вдруг через два часа такого невыносимого положения впереди раздался крик: «Берегись! Горцы бросаются в шашки!». Одного этого крика оказалось достаточно: уцелевшие апшеронцы выскочили из-под скал и устремились назад, к выходу из ущелья. Тут-то и понесли они наибольшую потерю от нового града камней и выстрелов от завала в спину... Так вот, пленные потом показали: провокационный крик сделал Лемтюжников, прокравшийся в офицерской форме в голову колонны.

В конце концов, ценой огромных потерь, войска Граббе захватили Ахульго. Шамиль сумел бежать сквозь оцепление с дюжиной верных людей, вынеся на спине раненого сына. Два дня армия выкуривала остатки мюридов из горных пещер. Лемтюжников скрывался в одной из них. Улучшив момент, он, снова в форме офицера, вышел за кордоны и исчез.

В 1843 году Шамиль нанёс нашим войскам самые сильные свои удары. За несколько недель он захватил всю Аварию, истребив полностью стоящие в ней гарнизоны. Иمامу досталось множество пленных и орудия. Лемтюжников сделался правой рукой знаменитого Ягья-Хаджи, любимца Шамиля и его главного военного инженера. Ягья ведал русскими беглыми, артиллерией, всеми

мастерскими, а так же казной имама. Хорунжий поселился в новой ставке Шамиля, ауле Дарго, и занялся созданием ракетных и артиллерийских батарей. Служили в них исключительно русские и поляки. Лемтюжников вербовал самые отбросы: уголовных, дезертиров, отчаянных без роду-племени.

В 1845 году наместник Кавказа князь Воронцов решил разорить горскую столицу. Состоялся печально знаменитый Даргинский поход. В это время Лемтюжников совершил наиболее гнусный из своих поступков. В Дарго тогда содержались русские пленные – 16 офицеров и 21 нижний чин, всего 37 человек. Шамиль вёл переговоры об их обмене, поэтому русским дозволяли переписку. В апреле генерал-лейтенант Гурко[27 - В.О.Гурко, отец будущего фельдмаршала; тогда командовал войсками на Кавказской линии и Черномории.] передал пленным письмо через лазутчиков. В нём он зачем-то сообщил узникам, что Воронцов собирается в поход и скоро их всех освободят... Пленные от таких вестей повеселели и стали вести себя более развязно. Это не укрылось от внимания мюридов, и те учинили расследование. Сначала они обыскали самих пленных и их помещение, но ничего не нашли. Тогда несчастных стали пытаться... Делал это лично Лемтюжников. Пленные вытерпели страшные истязания, но не выдали тайну письма. Наконец, после более тщательного обыска, бумага была обнаружена и тайна раскрыта.

7 мая пленные, все 37 человек, были приведены на Белгатойские высоты вблизи аула Дарго и привязаны к огромному ореховому дереву. Туда же доставили две пушки. Лемтюжников сам зарядил их картечью и навёл первое орудие. Артиллерийская прислуга была составлена исключительно из русских дезертиров. Ни один из команды Зиновия не отказался... После залпа оставшихся в живых добили шашками.

Через несколько дней пришли войска Воронцова и похоронили несчастных. Дарго был оставлен Шамилем без боя и предан огню. В Солдатской слободе наши разведчики обнаружили дом, в котором проживал Лемтюжников. На двери карандашом было написано: «Швальня Короля Саксонского». И орудия пытки внутри... Тогда-то на бывшего хорунжего и завели в наше ведомство персональное дело. Уж сорок лет прошло с тех пор, а дело ещё не закрыто...

– В Даргинском походе Воронцову пришлось туго, – продолжил Таубе через минуту. – Лемтюжников неоднократно «отличился» в той компании. Так, ещё в начале движения русские потеряли командира 5-го сапёрного батальона полковника Завельевского. Сапёры в горах очень важный род войск, поскольку

делают дороги и переправы. Именно Зиновий похитил батальонера[28 - Батальонер – командир батальона.] прямо среди бела дня; тело так и не нашли.

Когда аул Дарго сожгли и Воронцову пора было уходить, началось самое трудное. Войска попали в полное окружение, провиант и боевые припасы заканчивались, накопилось много раненых. Из Грозной прибыл транспорт с сухарями и встал на той стороне леса. Требовалось пробиться к нему сквозь завалы, взять груз и вернуться обратно. «Сухарная экспедиция» – самый злосчастный и кровавый для нас эпизод Кавказской войны... Отряд генерала Ключенау пробивался по лесной дороге, расстреливаемый и атакуемый со всех сторон. Когда начальник арьергарда генерал Викторов упал, раненый, и все вокруг побежали, он, лёжа, обещал награду тому, кто его спасёт. Никто не остановился... Ночью Ключенау послал к основным силам семь охотников с просьбой помочь пробиться обратно. Дошёл только один, юнкер Кабардинского полка Длотовский. И лишь потому, что двигался лесом в обход всех постов, прямо к ставке Воронцова. Остальных перехватил Лемтюжников. Для этого он снова надел русский мундир и составил ложный пикет, на который и попадали остальные гонцы. Но даже помощь основных сил, предупреждённых Длотовским, не спасла тех, кто ходил за сухарями. Возвращение через лес оказалось ещё более кровавым, чем рейд к транспорту. Отряд Ключенау был практически уничтожен. Те немногие, кто выжил, принесли сухарную порцию войскам на полтора дня... Погибли два генерала, более пятиста нижних чинов, свыше семи сотен получили раны. Весь состав русских войск оказался на грани полного истребления. Кое-как отряд пробился к Шаухал-берды, и тут остановился в ожидании подмоги. Вокруг были полчища мюридов. На том берегу Аксая Шамиль разместил батарею под командованием Лемтюжникова, и она четыре дня безнаказанно расстреливала наш лагерь. Особенно старались попасть в палатку наместника. Воронцову пришлось слиться с толпой и ночевать на земле. Только храбрые действия генерала Фрейтага, пришедшего на выручку со свежими силами, спасли остатки войска князя от гибели. Ни до, ни после Кавказский корпус не нёс таких ужасных потерь с такими ничтожными результатами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Заповедное имение – русский майорат. Переходит старшему в роду мужчине; его нельзя делить, продать, заложить в банк или проиграть в карты. Выморочное имение – не имеющее наследников на момент смерти владельца; поступало, постоянно или временно, в собственность казны.

2

Военно-Учёный комитет Военного министерства – русская военная разведка.

3

Андия – высокогорная область в Северном Дагестане.

4

Имамат – теократическое государство, созданное на Северном Кавказе имамом Шамилем в 1843-59 годах и воевавшее с Россией.

5

Мюриды (букв. – воители за веру) – название солдат Шамиля.

6

Конгриевы ракеты – реактивное оружие 19-го века. Стреляли зажигательными снарядами.

7

Аул Гуниб – последняя резиденция имама Шамиля. Был взят штурмом русскими войсками 25 августа 1859 года. С его падением завершилось покорение Северного Кавказа.

8

Темир-Хан-Шура – столица Дагестанской области (нынешнее название – Буйнакск).

9

Т.е. крестьянина.

10

Гайменник – убийца (жарг.)

11

Надворный советник Н.фон Зон был убит с целью ограбления 7 ноября 1867 г.;
Ф.Штрам убит собственными женой и сыном 11 сентября 1871 г. Архив останков
сгорел вместе со зданием Окружного суда в феврале 1917 г.

12

Вирд – отделение. Кадири – одно из ответвлений суфизма. Основано великим
персидским теологом Абдул Кадиром в XII веке.

13

Вольноопределяющийся первой категории – доброволец, окончивший полный
курс гимназии.

14

Имеются в виду двуглавые орлы на мундирных петлицах и погонах,
отличительные знаки камер-юнкера.

15

Современное название – Махачкала.

16

Саманные – выложенные из земляного, смешанного с соломой и высушенного на солнце кирпича. Турлучные – дома, в которых стены сделаны из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной, смешанной с коровьим навозом.

17

Базалай – кинжал, названный так по имени знаменитого оружейного мастера.

18

Форштадт – часть города, в которой расположен гарнизон.

19

Саква – вьючная сумка.

20

Начальника Дагестанской области генерала Чавчавадзе.

21

Корта-когиш – баранья голова с галушками и чесночной приправой. Чепалгаши – лепёшки с различными начинками (чечен.).

22

Слово «шейх» имеет много значений. В данном случае – глава суфийского братства (тариката).

23

Амир аль-муминин – Повелитель правоверных – один из титулов Шамиля.

24

Зикр – ритуальное упоминание имени Аллаха в форме речитатива. Во время Кавказской войны зикр был предвестником нападения горцев на русские войска, что и заставило гарнизон Шали открыть, как они думали, предупредительный огонь.

25

Хаджи-мук – сын хаджи – почётный титул. Улем – учёный.

26

Таубе и Артилевский имеют одно звание. В армии императорской России в таких случаях старшим считался тот офицер, который раньше был произведён в равный чин. Таковым по возрасту явно был Артилевский, но старшим по должности, в обход правил, оказался Таубе, который пытается смягчить обиду войскового старшины.

27

В.О.Гурко, отец будущего фельдмаршала; тогда командовал войсками на Кавказской линии и Черномории.

28

Батальонер – командир батальона.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolay-svechin/pulya-s-kavkaza>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)